

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ

ПО ПОВОДУ

ЯЗЫКА ПЕРСІЯ.

Степана Беха.

*667. Векн, Stepan. Nablyudeniya i Zamyečaniya po povodu Yazyka Persiya. Kiev. v. Universitetskoy tipografii. 1879. 4°. f. (1) + pp. 52 + ii. *M.*

I give a transliteration of the Russian title (Observations and Remarks).

My copy, unbound and uncut in the original paper covers, has an autograph presentation to Modestov from his pupil Bekh: 'Lyubeznomu Vasiliya Ivanoviču Modestovu ot priznatel' nago učenika' (in Russian characters).

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1879.

ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
SIGILLUM
VE RI TAS

0

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ

ПО ПОВОДУ

ЯЗЫКА ПЕРСІЯ.

Степана Беха.

Bech

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1879.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій, печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра, 1879 года.

Observations   Remarks

Nablyudeniya i Zamyečaniya

po povodu

Yazyka Persiya

Stepana Bekha

Kiev

v Universitetskoy tipografii

Translit.

1879

~~As~~ Lyubeznomu Vasiliju
Ivanoviču Modestovu
~~om~~ ot priznatel'nago
učenika.

[illegible] Becka
[illegible]

...ted by [illegible]

Почти единодушный голосъ ученыхъ говоритъ, что сатиры Персія написаны необычайнымъ языкомъ, какого не найдешь ни у одного изъ римскихъ писателей. Дѣйствительно, читатель на первый разъ испытываетъ это чувство благодаря темнотѣ Персіевой рѣчи. Гдѣ источникъ этой темноты? Въ неумѣньи Персія ясно выражать мысль, отвѣчаетъ большая часть представителей новой науки. Но мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства древности, которыя заставляютъ насъ усомниться въ правильности такого приговора науки. Нѣсколько странно слышать такіе отзывы о писателѣ, снискавшемъ себѣ не малую славу у современниковъ, въ числѣ которыхъ были люди со знаніемъ латинской рѣчи и со вкусомъ [1]). Отъ такихъ людей, какъ Квинтиліанъ, Персій скорѣе всего могъ ожидать упрека за неправильное употребленіе словъ, за невѣрную конструкцію предложенія и вообще за все то, что можетъ служить причиною сбивчивости и темноты рѣчи. А между тѣмъ Квинтиліанъ [2]) вотъ что говоритъ о Персіѣ: „Multum et verae gloriae quamvis uno libro Persius meruit" [3]). Кому вѣрить и что считать истинною причиною пресловутой темноты Персіевой рѣчи?

Забывъ на время о разногласіи приведенныхъ мнѣній о Персіѣ, мы обратимся къ его языку, поставивъ для рѣшенія слѣдующіе вопросы: отступаетъ-ли Персій и насколько отъ общихъ законовъ языка какъ въ структурѣ отдѣльныхъ словъ, такъ и въ сочетаніи предложеній, далѣе въ выборѣ и образованіи метафоры отдѣльныхъ

---

[1]) См. отзывъ Тейфеля о Квинтиліанѣ, Gesch. d. R. Lit., S. 737.

[2]) Отзывы о Персіѣ другихъ его современниковъ приведемъ впослѣдствіи.

[3]) Inst. or. X, I, 94.

словъ и цѣлыхъ выраженій. Въ наукѣ до сихъ поръ эти вопросы не рѣшены (по крайней мѣрѣ мы не знаемъ объ этомъ предметѣ ни одного спеціальнаго[1]) изслѣдованія), а между тѣмъ удовлетворительное рѣшеніе ихъ, по нашему убѣжденію, могло бы установить болѣе правильное мнѣніе о сатирикѣ Неронова вѣка.

Жалѣемъ, что, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, мы должны будемъ подѣлиться съ читателемъ нашими наблюденіями объ этомъ предметѣ не въ такой мѣрѣ, какъ это предполагалось прежде.

Кіевъ.
20 февраля
1879 г.

---

[1]) Впрочемъ о метафорѣ Персія есть статейка Пьерсона въ Rhem. Mus. XII, 88--98.

Глава I. Части рѣчи.

1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

Въ этой главѣ мы сдѣлаемъ указанія на обогащеніе языка посредствомъ вновь вошедшихъ въ него словъ. Слова эти могутъ входить въ языкъ различными путями: принятіемъ иноземныхъ словъ, образованіемъ новыхъ словъ изъ существующихъ корней посредствомъ прибавленія суффиксовъ, и перенесеніемъ слова изъ одного класса въ другой безъ дальнѣйшаго измѣненія. Сообразно съ этимъ, въ сатирахъ Персія мы выдѣлимъ *существительныя, перешедшія въ латинскій языкъ изъ греческаго, вновь образованныя изъ существовавшихъ корней и существительныя, образовавшіяся изъ прилагательныхъ.*

А) *Олатинизованныя греческія существительныя.*

Греческое вліяніе на римскую литературу начинается еще задолго до Персія. Комики и особенно Плавтъ переселяютъ образцы греческой комедіи на римскую почву. Вліяніе это отразилось и на языкѣ. Но Плавтъ, равно какъ и другіе архаическіе писатели, распоряжались съ греческими словами сообразно звуковымъ законамъ латинскаго языка, перемѣняя греческія окончанія на латинскія [1]). Впослѣдствіи же времени римскіе писатели, по почину Аттія [2]), обнаруживаютъ склонность

[1]) См. Neue Formenl. d. Lat Sp. 1, 32 f. 300 f. Corss.Ausspr. II, 815 f.

[2]) См. Varr. de l. Lat. X, 70: „Accius haec in tragoediis largius a prisca cansuetudine movere coepit et ad formas graecas verborum magis revocare“. Что подтверждается формами *Hectora, draconis, Oresten* и др.

произносить взятыя отъ грековъ слова такъ, какъ они произносились на своей родинѣ. Явилась потребность въ буквахъ V и Z [1]). Цицеронъ стоитъ за древнее употребленіе такихъ словъ [2]). Противникомъ Цицерона въ этомъ отношеніи является Варронъ, который говоритъ даже „schemasin“ вм. „schematis“ [3]). Самыхъ ревностныхъ послѣдователей своей теоріи Варронъ пріобрѣлъ въ лицѣ поэтовъ Августова времени, у которыхъ греческія слова являются съ настоящею своею физіономіей [4]), т. е. въ им., род., дат. и вин. падежахъ употребляются съ греческими окончаніями. Со смертію названныхъ поэтовъ греческое вліяніе не прекращается. Напротивъ, въ вѣкъ Квинтиліана былъ даже возбужденъ вопросъ о произношеніи греческихъ словъ по гречески [5]). Далѣе у Сервія находимъ *Pallás*, *Acarnân*, Alectô [6]) и др. Изъ того же Сервія узнаемъ о существованіи теоріи, требовавшей уже олатинизованныя слова произносить погречески, какъ напр. aethéris и др. Но эта теорія отвергается Сервіемъ [7]).

Что касается Персія, то въ его шести сатирахъ (650 гексаметровъ) встрѣчается довольно много существительныхъ греческаго происхожденія, которыя мы и приводимъ въ алфавитномъ порядкѣ Приводимая серія словъ имѣетъ указать, какія изъ нихъ впервые внесъ въ латинскій языкъ нашъ поэтъ и какой теоріи при этомъ онъ придерживался; далѣе, къ какому періоду языка относятся употребленныя до него. Первыя изъ этихъ существительныхъ мы подчеркиваемъ.

Abăcus—ἄβαξ [8]) (Sat. I, 131 Cat. r. r. 10, 4.
Amōmum(-on) ἄμωμον (Sat. III, 104). Ovid. Metam. XV, 394 Plin. Mart.

---

[1]) См. В. И. Модестовъ, *Римская письменность въ пер. цар*, стр. 25.
[2]) См. Or. 48, 160. Ep. ad Att. VII, 3, 7. Prisc. (у Кейля) I, 290.
[3]) См. Charis. (у Кейля) 1, 54.
[4]) См. Corss. Ausspr. II, 817.
[5]) Inst. or. 1, 5. 24.
[6]) Acc. § 11.
[7]) Ibid. § 14.

[8]) Присціанъ употребляетъ *abax* и при этомъ говоритъ (1, 216): „in multis invenimus a genitivo graeco factum Latinum nominativum, elephantus, abacus, Titanus, nec non ab accusativo, panthera, cratera, quod graeci quoque in multis fecere et aliis casibus pro nominativo usi ὁ μάρτυρος—ὁ ἰχτῖνος.

Antítheta [1]), τὰ ἀντίθετα (Sat. I, 86).
Artocreas [2])—ἀρτόκρεας (Sat. VI, 50).
Bal(i)neum, balnĕa— { βαλανεῖον [3]) (Sat. V, 126): Комики, Цицеронъ (Rosc. Am. 7, 18 alibi) и писатели серебр. вѣка.
Calămus—κάλαμος [4]) (Sat. III, 12, 19). Уже у Плавта.
Camélus, κάμηλος (Sat. V, 136). Varr. l. l. V, 100.
Caminus, κάμινος (Sat. V, 10). Hor. Sat. II, 3, 321.
cánthus, κανθός (Sat. V, 71). Quint. 1, 5, 88.
catásta, κατάστασις [5]) (VI, 77). Уже Tibull. II, 3, 60.
cerdo отъ κέρδος [6]) (Sat. IV, 51). Mart. III, 16. Iuven. VIII, 183.
chirágra, χειράγρα (Sat. V, 58). Horat. Sat. II, 8, 15. Ep. I, 1, 31.
chlámys—χλαμύς [7]) (Sat. V, 46). Комики и классич. поэты.
chórda, χορδή (Sat. VI, 2). Уже Плавтъ, Цицеронъ, de orat. III, 57, 214 alibi) и другіе.
Cinnămum, κίνναμον (Sat. VI, 35) Плавтъ и писатели серебр. вѣка.
Citreus отъ citrus, κέδρος [8]) (1, 53) Lucan. Phars. IX, 428. Plin. Mart.
colúmbus, κόλυμβος [9]) (Sat. III, 16). Уже у Плавта As. 683.
concha κόγχη (Sat. II, 66). Уже Плавтъ Ru. 297.
Cratēra, κρατήρ [10]) (Sat. II, 52). Уже архаики Virg. Aen. V, 536: crater.
crĕpīda—κρηπῖς, ῖδος [11]) (Sat. I, 127). Catull. 99, 4.
crēta—κρήτη (Sat. V, 108). Комики и Varr. r. r. 1, 7. 8.
cumīnum—κύμινον [12]) (Sat. V, 55). Hor. Ep. 1, 19, 18 и писатели серебрянаго вѣка.
cýnicus—κυνικός (Sat. I, 133). Уже Плавтъ.

---

1) Впрочемъ это слово употребляетъ уже Цицеронъ (Or. 50, 166)—погречески.

2) См. Forcellini.

3) См. Varr. L. L. IX, 68. Corss. Aussp. II, 256, 347.

4) Corss. 275. Curt. Grz. d. g. Et. 133з. Al. Vaniček. Etym. Wörberb. 128.

5) Saalfeld, Index graec. vocab. in lingu. lat. translat., p. 21.

6) См. Schol. ad Sat. IV, 51 у O. Яна, стр. 318. Saalfeld, p. 21.

7) Corss. Ausspr. II, 517. Ribbeck, proleg. Verg. p. 422. Clamys.

8) См. Forcellini. Saalfeld, 24.

9) Curt. Et. 145з.

10) Neue, Formenl. I, 330.

11) Idem, I, 329. Vaniček, 1104.

12) Corss. Ausspr. I, 344.

delphīn (délphīnus)—δελφίς[1]) (Sat. I, 94). Virg. Aen. VIII, 673 и др.
ēcho—ἠχώ (Sat. I, 102). Att. tr. 572. (Rb.).
elegidion ἐλεγείδιον[2]) (1, 51).
fágus,—φηγός[3]) (V, 59). Caes. B. G. V, 12.
gausăpe, is, plur. gausapa—ὁ γαυσάπης[4]) (Sat. IV, 37, VI. 46). У нѣкоторыхъ писателей gausăpa; plur.—pes.
helleborus—ἐλλέβορος[5]) (III, 63. V, 100). Плавтъ Men. 913.
horă—ὥρα[6]) (Sat. V, 48; 153). Lucr. I, 1016: horai.
horoscopus—ὡροσκόπος (Sat. VI, 18).
hyacinthīnus—ὑακίνθινος (1, 32). Catull. 61, 93 (88).
lagēna (lagoena)—λάγυνος[7]) (Sat. III, 92—VI, 17). Pl. Cu. I, 1, 78.
lámpas—λαμπάς (VI, 61, вин. ед. по греч. скл.) Plaut. Men. 842.
lympha—νύμφη[8]) (Sat. III, 18) Lucr. VI, 1178.
lynx—λύγξ (Sat. I, 101). Virg. Georg. III, 264. Aen. I, 327. Горацій и другіе.
lyra—λύρα[9]) (Sat. VI, 2). Hor. Carm. I, 10, 5.
nectar—νέκταρ (Prol. 14). Lucr. II, 848.
ocimum—ὤκιμον[10]) (Sat. IV, 22). Var. L. L. V, 103.
oenóphorum—οἰνοφόρον (V, 140). Lucil. Sat. III, 29.
oleum / olivum —ἔλαιον[11]) Sat. II, 64, III, 44. VI, 50). Плавтъ во многихъ мѣстахъ.

---

[1]) Neue, I. 329. Prisc. I, 216, 235.

[2]) Saalfeld, 34.

[3]) Curt. Et. 177. Vaniček 588. Ср. Corss. Btr. 259; II, 258.

[4]) Varr. L. L. V, 168. Char., 80. Vaniček (Et. Wörtorb. d. lat. S. 216) помѣщаетъ это слово подъ рубрикой не-греческихъ словъ. Но каково бы ни было происхожденіе этого слова, оно во всякомъ случаѣ перешло въ латинскій языкъ изъ греческаго, какъ и многія другія, которыя считаются въ греческомъ языкѣ иностранными. Всѣ подобныя слова мы приводимъ какъ греческія.

[5]) Saalfeld, 34.

[6]) Corss. Ausspr. II, 453. 720. Ribbeck. prol. Verg. p. 422.

[7]) Ibid 74. примѣч.

[8]) Varr. L. L. VII, 87: lympha a nympha, ut Θέτις apud Ennium Thelis. См. кромѣ того Momms, *Unterital dial*. p. 256. Vaniček, 836.

[9]) Corss. II, 453.

[10]) Saalfeld, 57.

[11]) Curt. Et. 336. Saalfeld. 58.

pulaestrita—παλαιστρίτης (Sat. IV, 39). Cic. Verr. II, 2, 14.
patĭna—πατάνη [1]) (Sat. VI 21). Плавтъ во мн. м. Уфедра (I, 28 26), 4.
phalĕrae, arum—φάλαρα [2]) (III, 30). Publ. Syr. 12 Rb.
pillĕum—πῖλος [3]) (V, 82). Liv. I, 34, 8; XXIV, 32, 9. Petron. 41.
piper—πέπερι [4]) (Sat. III, 75 alibi). Hor. Ep. II, I, 270. Плиній и Марціалъ.
pituīta—πιτυΐτη [5]) (Sat. II, 57). Cat. r. r. 156. 4. Цицеронъ. Hor. Sat. II, 2, 76: pituita.
plasma—πλάσμα (I, 17). Quint. I, 8, 2.
poēma, tis,—ποίημα (Sat. I, 31). Уже архаики и другіе.
poetris—ποιητρίς (Prol. 13—вин. п. множ. съ греч. оконч.).
psittacus,—ψίτταχος (Prol. 8). Овидій и нѣкоторые другіе поэты.
púrpura—πορφύρα [6]) (Sat. V, 30). Уже комики.
purpureus,—πορφύρεος (πορφυροῦς) (Sat. III, 41).
rhombus,—ῥόμβος [7]) (Sat. VI, 23). Горацій, Овидій.
sábbata,—σάββατα (евр.) (V, 184). Horat. Sat. I, 9, 69—sabbatarii Mart. IV, 4, 7.
salīva,—σίαλο [8]) I, 104, II, 33 alibi) Lucr. IV, 636. Col.—salivare.
sambūca—σαμβύκη (V, 95). Плавтъ.
saperda—σαπέρδης (V, 134). Varr. L. L. VII, 47.
sardónyx,—σαρδόνυξ (I, 16) Mart. V, 11, 1—вин. мн. sardonychos Juven. XIII, 139—род. множ.—chum.
Scom e —σκόμβρος (Sat. I, 43). Plaut. Capt. 851.
scópulus—σκόπελος [9]) (Sat. VI, 8). Enn. ann. 223, V.
scútĭca—σκυτική [10]) (Sat. V, 131. Horat. Sat. I, 3, 119.

---

[1]) Varr. L. L. V, 120. Curt. Et. 199: Vaniček, 471.

[2]) Corss. II, 200, 357 примѣч., 815. L. Meyer. vgl. gr. о замѣнѣ *A. E.* Vaniček, 574.

[3]) Saalfeld, 64 стр., вопреки Корсену, отвергающему греческое происхожденіе этого слова (I, 227, 524 сл.), доказываетъ противное. Ср. Curt. Et. 259; Vaniček 1247.

[4]) Saalfeld. 65. Vaniček, 476.

[5]) Curt. Et. 268. Corss. Btr. 458; I, 278. Vaniček, 1197 sq.

[6]) Curt. Et. 385, 397. Corss. II, 82. Vaniček, 609.

[7]) Saalfeld, 71.

[8]) Vaniček, 1045 sq.

[9]) Corss., Btr. 546. II, 142 ср. Σικελός Siculus; II, 815.

10) Vkniček, 1115.

stemma,—στέμμα (Sat. III, 28). Mart. VIII, 6, 3. Juven. VIII, 1. Suet. Ner. 37 и др.
theta—θῆτα (Sat. IV. 13).
thynnus,—θύννος (Sat. V, 183) Varr. L. L. V, 77; VII, 47.
tragoedus—τραγῳδός (Sat. V, 3). Cic.
trutĭna—τρυτάνη [1]) (Sat. 1, 7). Varr. L. L. V, 103, apud. Non. 180, 32. и глаг. *trutinare* (Sat. III, 82).
tus (thus)—θύος [2]) (Sat. I, 43 alibi) Plaut. Trin. 934 и другіе писат.
tyránnus—τύραννος (Sat. III,35). Pac. tr. 149 Rb. Pl. Curc. III, 3, 6: turannus.
Сверхъ того указываемъ на *balanatus* (Sat. IV, 37) отъ bálanus, βάλανος (Plaut. Ru. 297) и χαῖρε (prol. 8).

Итакъ, изъ 73 греческихъ словъ, встрѣчающихся въ сатирахъ Персія, 42 употреблены еще въ архаическій періодъ и приняты послѣдующими писателями, 17 принадлежатъ Цицерону и особенно писателямъ времени Августа, а остальныя 14 встрѣчаются впервые у Персія. Цифровыя данныя показываютъ, что, въ способѣ употребленія греческихъ словъ, Персій, повидимому, находился подъ бо́льшимъ вліяніемъ архаическихъ писателей. Но такое заключеніе было бы не вполнѣ вѣрно. Тотъ фактъ, что въ произведеніяхъ Персія преобладающимъ является число словъ, употребленныхъ архаическими писателями, не можетъ еще говорить въ пользу подражанія поэта названнымъ писателямъ, такъ какъ ко времени Персія слова эти пріобрѣли уже всѣ права римскаго гражданства, сдѣлались вполнѣ олатинизованными. Что Персія нельзя въ этомъ отношеніи назвать подражателемъ архаическихъ писателей, въ этомъ убѣждаетъ насъ главнымъ образомъ тотъ способъ, котораго придерживается нашъ поэтъ, при внесеніи греческихъ словъ въ латинскій языкъ. Кромѣ *canthus* и *horospocus*, всѣ остальныя слова, обязанныя своею новою родиной Персію, удерживаютъ греческое удареніе, а нѣкоторыя изъ нихъ являются съ чисто греческими, совершенно чуждыми латинскому языку окончаніями, какъ напр. *artocreas* (имен.), *poetridas* (вин.) и др. На основаніи этихъ послѣднихъ данныхъ можно сказать, что въ заимствованіи греческихъ словъ Персій слѣдовалъ скорѣе теоріи Варрона [3]), чѣмъ теоріи (болѣе разумной) архаическихъ писателей.

---

[1]) Corss. II, 814, 818.

[2]) Serv. Virg. Georg. III, 224; Aen. VI, 3. Curt. Et. 244.

[3]) См. выше стр. 4.

В) *Существительныя, образованныя изъ существовавшихъ корней.*

Сатиры Персія представляютъ такія, можно сказать, особенности языка, которыхъ избѣгали лучшіе представители римской литературы, строго придерживавшіеся слишкомъ ужь консервативнаго правила—не употреблять словъ и выраженій просторѣчія. Такое правило въ состояніи породить оскудѣніе въ языкѣ. Квинтиліанъ [1]), поставляя на видъ, что ὀνοματοποιΐα у грековъ считалась величайшею заслугою, нападаетъ на чрезмѣрный консерватизмъ римскихъ писателей, въ силу котораго „nihil generare audemus ipsi, cum multa cotidie ab antiquis ficta moriantur.“ Въ приведенныхъ словахъ Квинтиліана слышится жалоба многихъ и желаніе ослабить узы традиціоннаго правила. За исключеніемъ Петронія, Персій больше, чѣмъ любой изъ его современниковъ, поработалъ на пользу обогащенія литературнаго языка посредствомъ внесенія въ него словъ и цѣлыхъ выраженій изъ просторѣчія.

Въ римскомъ просторѣчіи преобладали существительныя съ уменьшительными суффиксами. На это явленіе указываетъ уже Шмилинскій [2]). Но есть основаніе думать, что такія существительныя не имѣли значенія уменьшительныхъ. Свидѣтелями въ этомъ отношеніи являются романскіе языки, образовавшіеся, какъ извѣстно, изъ простонародныхъ италійскихъ нарѣчій. Слова *soliculus, apicula, auricula* и др., являющіяся во французскомъ языкѣ въ формѣ *soleil*, *abeille*, *oreille*, въ этомъ послѣднемъ вовсе не имѣютъ уменьшительнаго значенія. Въ сатирахъ Персія мы нашли слѣдующія существительныя этого рода.

Aqualiculus (Sat. 1, 57) Sen. ep. XC, 22.

Articulus (Sat. V, 59). Pl. Men. 1, 2, 30 sq. Cat. r. r. 157, 8 и послѣдующіе.

auricula (Sat. 1, 59 alibi). Pl. Poen. 1, 2, 163 и послѣдующіе.

candela (Sat. III, 103). Varr. ap. Serv. Aen. 1, 727. L. L. V, 119 и другіе, особ. въ серебр. в.

canicula (Sat. III, 5. 49). Pl. Curc. V, 1, 8 и другіе.

capillus (Sat. III, 10). Pl. Rud. II, 3, 46 и др. поэты и прозаики.

cuticula (Sat. IV, 13). Juven. XI, 203.

favilla (Sat. I, 39). Virg. Aen. VI, 227 и другіе.

fistula (Sat. III, 14). Cat. r. r. 21, 1. Macrob. Sat. 1, 21 и особенно писат. серебр. в.

---

[1]) Inst. or. VIII, 6, 32.

[2]) De proprietate sermonis Pl. usu linguarum romanicarum illustrata, p. 35, sqq

flagellum (Sat. III, 51). Catull. 25, 11 и другіе поэты и писат. сереб. в. Petron. 56, 63, 69.
labellum (II, 32 alibi). Pl. Poen. 1, 2, 153 alibi. Petron. 79 и другіе
lapillus (Sat. II, 1). Horat. ep. 1, 10, 19 и другіе.
masculus (mas.) (Sat. V, 144). Pl. Cist. IV, 2, 39 и другіе.
maxilla (IV, 37). Cic. or. 45, 153. Petron. 49 и другіе.
ocellus (I, 18). Pl. Trin. II, 1, 18. Циц. и другіе.
patella (patera) (Sat. III, 36 alibi). Cic. fin. II, 22 и другіе.
pellicula (Sat. V, 116). Cic. Mur. 36 и другіе. Поговорка: pelliculam curare (Klotz Wörterb.).
plebecula (Sat. IV, 6). Cic. Att. 1, 16. Horat. ep. II, 1, 158.
popellus (Sat. IV, 15). Horat. ep. 1, 7, 65.
querela (Sat. I, 91). Catull. 62, 223 и друг. Petron. 15.
seriola (Sat. IV, 29). Mart. 10, 9.
tabella (V, 81). Pl. Curc. II, 3, 86 alibi и другіе.
tesserula (tessera) (Sat. V, 74). Lucil. ap. Cic. or. 44, 149. Varro r. r. III, 5, 18.
testiculus (Sat. I, 103). Cic. Her. III, 20, 33. Petron. 35. Mart. et. Juven.

Приведемъ кстати и прилагательныя съ уменьшительнымъ суффиксомъ, которыхъ у Персія мы нашли всего лишь четыре:
Horridulus (Sat. I, 54). Pl. Ps. 1, 1, 66 и другіе.
beatulus (Sat. III, 103).
rancidulus (Sat, I, 33). Mart. 7, 34. Juven. XI, 135.
rubellus (Sat. V, 147). Mart. 1, 164. Plin. 14, 2 (4).

Изъ 28 именъ съ уменьшительнымъ суффиксомъ 15 встрѣчаются у архаическихъ писателей и именно: 9 у Плавта и 6 у другихъ; 7 выпадаютъ на долю Цицерона и поэтовъ времени Августа, а остальныя 6 впервые находимъ у Персія. Существованіе именъ съ уменьшительнымъ суффиксомъ во всѣ періоды языка показываетъ, что вульгарный языкъ никогда не переставалъ быть источникомъ, къ которому обращались представители римской литературы разныхъ эпохъ. Въ Плавтѣ, сообразовавшемся со вкусомъ публики, для которой онъ писалъ свои комедіи, совершенно естественно его постоянное хожденіе къ названному источнику. Но и другіе представители литературы, въ силу совершенно другихъ мотивовъ, чѣмъ тѣ, которые руководили Плавтомъ, обнаруживаютъ стремленіе къ обновленію языка посредствомъ

внесенія въ него словъ и выраженій изъ простонароднаго говора. Такъ авторъ „*Африканской войны*,“ приписываемой перу Ю. Кесаря, выражаетъ уже такую склонность къ этому стремленію, что нѣкоторые ученые считаютъ невозможнымъ признать названное сочиненіе принадлежащимъ автору „*Мемуаровъ о галльской и междоусобной войнѣ*“ [1]). Въ серебряный же вѣкъ это стремленіе, въ лицѣ нѣкоторыхъ писателей, выразилось гораздо сильнѣе. У Сенеки-философа находимъ 22 существительн. съ уменьшительнымъ суффиксомъ, изъ которыхъ 17 не встрѣчаются до него въ литературномъ языкѣ [2]). У Петронія такихъ существительныхъ 68 [3]). Число ихъ у Персія указано выше. Но этимъ не ограничивается зависимость нашего поэта отъ простонароднаго языка: въ его сатирахъ мы находимъ еще и другія слова и даже цѣлыя выраженія, взятыя изъ живого источника [4]), каковы: *gurgulio* (IV, 38), встрѣчающееся у Плавта, но совсѣмъ съ другимъ значеніемъ, *Bucca* вм. os (V, 13), *caballinus* вм. equinus (prol. 1), *sartago loquendi* (I, 80), *aristas excutere* о страхѣ (III, 115), (homo) *nostrae farinae* (V, 115), *robusti carminis offas ingerere* (V, 5), *canina littera de limine sonare* (I, 109 [5]).

С). *Прилагательныя въ роли существительныхъ.*

Прилагательныя, исполняющія обязанность существительныхъ, слѣдуетъ раздѣлить на два отдѣла: a) на прилагательныя, служащія для обозначенія извѣстной категоріи лицъ или вещей. (употребленіе ихъ основано на эллипсисѣ) и b) на прилагательныя, имѣющія всѣ свойства и самостоятельное значеніе существительныхъ, *вполнѣ* вступившія въ права этихъ послѣднихъ.

У Персія мы нашли:

a) Cani (capilli или crines) (Sat. V, 65). Cic. sen. 18, 62 и поэты. *Cirrati* (pueri) (I, 29).

---

[1]) Nipperdei, *Quaest. de supplementis commentariorum Julii Caesaris*, p. 16.

[2]) Rode, *Ueber die Spr. des Philos. Sen.*, S. 8.

[3]) E. Ludwig, *De Petronii sermone plebejo*, p. 29.

[4]) Относящіеся сюда глаголы см. ниже.

[5]) Ср. также Sat. 1, 102. 112 sqq. II, 28. III, 69. IV, 35 sqq. VI, 72 sqq

Coum		(V, 135). Hor. Sat. II, 4, 29 alibi.
falernum	(vinum)	(Ш, 3) Hor. Carm. II, 11, 19. Juven. XIII, 216.
merum	vina	(II, 3). Уже Плавтъ и другіе поэты.
surrentina		(Ш, 93). Mart. 13, 110.

fidelibus (V, 48).
natalis (dies) (VI, 19—множ. ч.). Циц. и классич. поэты.
genuinus (dens) (I, 15). У Циц., Вирг. и Плин.—во множ. ч.
nonaria (meretrix) (I, 133—съ прилаг.).

Три изъ приведенныхъ прилагательныхъ впервые встрѣчаются въ сатирахъ Персія.

b) Множественное ч. средн. р.

Reliqua (V, 87—haec). Horat. и писат. серебр. вѣка.
Arcana (IV, 35—съ род. п. сущ.).
bona (II, 63 alibi. VI, 21—съ прилаг.) Цицеронъ и другіе.
curva (IV, съ предлог.). Plin ep. V, 21.
coelestium (II, 61), Tac. Hist. V, 4.
dentalia-coxa (1, 73). Serv. ad. Georg. I, 172 въ един. ч.
dicta (VI 66—съ прилаг.) Virg. и друг.
digna (I, 42) въ прежніе періоды яз.
dulcia (V, 151) Pl. Ps. II, 4, 2: dulcia—sum elocutus omnia.
floralia (V, 178—съ мѣстоим.). Varr. и другіе.
intima (I, 21).
ramalia (V, 59—съ род. существ.). Овидій, Сенека, Тацитъ.
sacra (Prol. 7 съ род. существ.).

Единственное число.

Безъ предлога:

Boni (IV, 17).
Castoreum (V, 135) Lucret.
enarrabile (V, 29).
grave (V, 12—съ мѣстоим.).
honesto (II, 74—съ прилаг.).
inane I, 1—съ мѣстоим.).
iustum (IV, 10).
Opertum (I, 121—съ мѣстоим.).
Ovile (II, 49).

pingue (III, 32, съ прилаг.).
ramale (I, 97 съ прилаг.).
rectum (IV, 11, recti V, 121).
verum (I, 55, veri V, 48 alibi—съ прилаг. I, 107—mordaci vero).

Съ предлогомъ:

Ex adverso (I, 44).
In diversum (V, 154).
In sancto (II, 69).
per leve (I, 64).

Приведенные примѣры показываютъ, что Персій употребляетъ: 1) *именительный и винительный* падежъ средн. р. прилагательныхъ въ роли существительныхъ, какъ ихъ употребляли уже классическіе писатели, особенно въ научномъ слогѣ, и въ этомъ сказывается вліяніе греческаго языка [1]. 2) У Персія, какъ и у классическихъ писателей, встрѣчается *родительный* пад. прилагательныхъ въ роли существительныхъ (у первыхъ впрочемъ этотъ родительный бываетъ большею частію *partitivus*: quid boni, nihil solidi, nihil expressi. (Cic. de nat. deor. 1, 27, 75), тогда какъ у Персія—subiectivus и др.): boni, recti, veri; 3) У Персія мы находимъ *творительный* п. средн. р. прилагательнаго въ роли существительнаго: generoso honesto. mordaci vero. У Цицерона употребленіе его весьма рѣдко. Чаще у Ливія, Сенеки [2] и Квинтиліана; 4) У Персія видимъ прилагательное въ роли существительнаго въ винительномъ и творительномъ падежѣ *съ предлогомъ*. Это употребленіе встрѣчается уже въ архаическій періодъ [3], не чуждо оно и Цицерону, но особенными поборниками его считаются Ливій и писатели серебр. вѣка. У Персія четыре случая этого употребленія: ex adverso и др.

Если область употребленія прилагательныхъ ср. р. ед. ч. въ роли именъ существительныхъ ограничивается у Цицерона преимущественно *вторымъ* склоненіемъ, то у писателей серебр. вѣка она значительно

---

1) Ex aequo—ἐξ' ἴσου, ex aperto—'Εκ τοῦ φανεροῦ и др.
2) Ep. 102. Nat. quaest. 6, 26.
3) См. Draeger, Hist. Synt d. lat. Spr. 45.

расширяется обильнымъ внесеніемъ въ нее и прилагательныхъ *третьяго* склоненія.

У Персія такихъ прилагательныхъ 6, изъ которыхъ 2 до него не встрѣчаются.

Какова была склонность латинскаго языка придавать прилагательнымъ значеніе существительныхъ, видно изъ того, что прилагательныя въ своей новой роли вполнѣ исполняютъ функцію существительныхъ, вступаютъ въ полныя права этихъ послѣднихъ: послѣ нихъ, какъ и послѣ настоящихъ существительныхъ, можетъ стоять родительный пад., они могутъ сопровождаться мѣстоименіемъ и прилагательнымъ или причастіемъ.

Въ сатирахъ Персія мы не нашли примѣра, грѣ бы прилагательное средн. р. *единственнаго* (во множеств. есть нѣсколько примѣровъ) числа въ роли существительнаго соединялось съ родительн. п. другаго существительнаго, но зато тоже прилагательное нерѣдко соединяется съ мѣстоименіемъ: *hoc opertum* и др. и съ прилагательнымъ: *vetus ramale*, *mordaci vero* и др. Что касается прилагательныхъ средн. р. *множественнаго* ч., то уже классическіе писатели очень часто придаютъ имъ роль существительныхъ, включая сюда и прилагательныя третьяго склоненія; но такое употребленіе допускалось тамъ, гдѣ средній родъ былъ очевиденъ, слѣдовательно въ *именительномъ* и *винительномъ* п. безъ предлога и съ предлогомъ. Но писатели серебр. в. въ этомъ отношенім идутъ дальше. У Сенеки читаемъ: „apparatus *terribilium* [1])". У Персія: *coelestium* inanes.

D. *Употребленіе существительныхъ.*

а) Единственное число конкретныхъ въ собирательномъ значеніи:

Canis (I, 60).
dens (VI, 126).
lector (I, 126).
ocellus (I, 18).
olus (III, 112).
pes (III, 62).

---

[1]) Const. 5. Cp. Ibid. 4. Quint. X, 3, 32. XI, 1, 6 passim.

Съ прилагательнымъ, выражающимъ идею множественности:

Multa vibice (IV, 49)
multa valle (VI 8).

b) Множественное ч. конкретныхъ вм. единств.

Aera (aes) (II, 59 alibi). Очень часто встрѣчается въ прежніе періоды языка.
cervices (III, 41). До Гортенсія [1]) обыкновенно употребл. во множ. ч.
Corpora (V, 187)
praecordia (V, 22). Въ предыдущіе періоды языка.
Surrentina (III, 93) Mart. 13, 110.

c) Множеств. ч. собственныхъ вм. един.

Solones (III, 79).

d) Множественное число отвлеченныхъ.

Amores (IV, 48)
Crimina (I, 85)
dolores (V, 161)
monitus (I, 79) въ классич. прозѣ monita (Cic. ad Fam. V, 8, 2)
recessus (II, 75)
Silentia (III, 81 alibi)
somnia (II, 57 alibi)
sussurri (II, 6).

Такое употребленіе отвлеченныхъ существительныхъ было не чуждо и писателямъ предыдущаго періода, хотя *silentia*, *susurri* преимущественно встрѣчаются у писателей серебр. вѣка [2]).

2. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

Изъ прилагательныхъ мы приводимъ только тѣ, которыя въ нѣкоторой степени могутъ указывать на зависимость нашего поэта отъ представителей литературы той или другой эпохи. Зависимось эту можно видѣть въ употребленіи прилагательныхъ слѣдующихъ трехъ классовъ.

---

1) Quint. VIII, 3, 35.
2) Lucan. Phars. I, 298. Stat. Th. I, 441. X, 890. Plin. paneg. 62.

A) *Прилагательныя на alis, bilis, ilis.*

Debilis (V, 99). Pl. merc. III, 4, 55. и др.
enarrabilis (V, 29). Virg. Aen VIII, 625.
herilis (V, 131) Pl. *Aul.* IV, 1, 13. passim.
humilis (II, 6) Varr. r. r. III, 9, 6. Цицеронъ и другіе
luctificabilis (I, 78). Это прилагательное, встрѣчающееся только у Персія, Казобонъ считаетъ принадлежащимъ архаической латыни.
lustralis (II, 33). Liv. I, 28
mercurialis (V, 112). Cat. r. r. 158.
Miserabilis (I, 3). Cic. *part. or.* 17, 57, alibi.
Mobilis (I, 59). Pl. *mil.* III, 1, 36.
plorabilis (I, 34). Claudian. in Eutr. I, 261.
reparabilis (I, 102). Ov. *Met.* I, 379.
sessilis (V, 148). Ov. *Met.* XII, 400.
sterilis (V, 75). Pl. *mil.* III, 1, 15.

B) *Прилагательныя на osus.*

Aerumnosus (III, 79). Pl. Rud. I, 4, 39.
damnosus (III, 49). Pl. *Bacch.* 1, 29.
dolosus (Prol. 12). Pl. Epid. III, 2, 36.
fumosus (I, 72). Cat. r. r. 38, 4.
generosus (II, 74). Cic. Brut. 58, 213.
hircosus (III, 77). Pl. *merc.* III, 3, 14.
lapidosus (V, 58). Varr. r. r. 1, 9.
mendosus (V, 106). Cic. de orat. II, 19, 83.
morosus (VI, 72). Cic. *or.* 29, 104.
nodosus (III, 11). Horat. ep. I, 1, 31.
pannosus (IV, 32). Cic. Att. IV, 3, 5.
rabiosus (III, 81). Pl. *Capt.* III, 4, 15.
ramosus (V, 35). Lucr. V, 1094.
rugosus (V, 55). Horat. ep. I, 18, 105.
scabiosus (II, 13). Col. XI, 2, 88.
sinuosus (V, 27). Virg. *Georg.* I, 244.
spumosus (I, 96). Virg. Aen. VI, 174.
torosus (III, 86). Col. VI, 1, 3.
varicosus (V, 189). Juv. VI, 397.

venosus (I, 76). Plin. 25, 13.
verrucosus (I, 77). Aur. Vict. *vir. il.* 43.

C) *Прилагательныя на atus.*

Albatus (II, 40). Hor. Sat. II, 2, 60.
auratus (III, 40). Lucr. VI, 811.
balanatus[1]) (IV, 37).
barbatus (IV, 1). Pl. *Cas.* II, 8, 25.
braccatus (III, 53). Cic. *fam.* IX, 15, 2.
Cirratus[2]) (I 29). Mart.
cretatus (V, 117). Cic. *Att.* 2, 3.
farratus (IV, 31). Juven. XI, 109.
fortunatus (I, 39). Pl. Capt. V, 3, 16.
iratus (III, 18 alibi). Pl. *Ps.* V, 2, 30.
peronatus (V, 102).
pullatus (V, 19). Juven. III, 212 и другіе.
sceleratus (II, 63). Pl. Pers. II, 4, 4.
subaeratus[3]) (V, 106).
tunicatus (IV, 30). Pl. Poen. V, 3, 2.

Сдѣлавъ краткій обзоръ прилагательныхъ, помѣщенныхъ подъ означенными рубриками, мы находимъ, что 18 изъ нихъ образованы еще въ архаическій періодъ, 13 въ классическій и 12 выпадаютъ на долю серебрянаго вѣка. Изъ этихъ послѣднихъ впервые встрѣчаемъ у Персія 10, въ числѣ которыхъ находится три, принадлежащія исключительно нашему поэту. Итакъ, образованіе самаго большаго числа прилагательныхъ, находящихся въ сатирахъ Персія, приходится на долю архаическихъ писателей. Но это обстоятельство не можетъ служить доказательствомъ того, чтобы Персій находился подъ бо́льшимъ вліяніемъ названныхъ писателей, такъ какъ всѣ прилагательныя ихъ періода употребительны и въ послѣдующіе періоды языка. Если вѣрить Казобону, то архаическимъ прилагательнымъ можно считать только

---

[1]) См. Prisc. (у Кейля) I, 442.
[2]) Ibid. 441.
[3]) Ibid. 433, 7 sqq. II, 463, 2.

luctificabilis. Почтенное число прилагательныхъ принадлежитъ серебряному вѣку. Это обстоятельство достойно замѣчанія, такъ какъ отсюда мы можемъ усматривать, что образовательная сила языка въ отношеніи прилагательныхъ должна была быть въ ту пору еще неослабѣвшей.

D) *Употребленіе прилагательныхъ.*

Въ этомъ отношеніи Персій представляетъ слишкомъ мало матеріала для изслѣдователя. Все, что мы можемъ сказать о немъ, ограничивается слѣдующимъ:

Персій платитъ нѣкоторую дань своему вѣку употребленіемъ прилагательныхъ, впереди которыхъ онъ любитъ ставить *prae*. Таковы: *praelargus* (I, 14), *praetrepidus* (II, 54) и др.

Персій образуетъ сравнительную степень отъ причастія прош. страд. Кромѣ указаннаго Дрегеромъ *decoctius* (I, 125) отъ decoctus, мы приводимъ еще *impunitior* (V, 130) отъ impunitus. Но на такое употребленіе сравнительной степени не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на какую нибудь особенность: латинскій языкъ во всѣ періоды представляетъ намъ многочисленные его (употребленія) примѣры. Такъ напр. у Плавта (Trinum. I, 2, 185) находимъ *occlusior*, у Цицерона (de div. I, 37. Brut. 37), а также у Ливія и Тацита, *commotior* и у др.

3. ГЛАГОЛЪ.

A) *Глаголы начинательные.*

Говоря выше объ именахъ съ уменьшительнымъ суффиксомъ, указавъ на ихъ источникъ и значеніе, мы пришли къ выводу, что имена эти имѣютъ не уменьшительное, а обыкновенное значеніе. Причины этого явленія въ простонародномъ языкѣ латинскомъ намъ неизвѣстны; да и едва-ли представится когда-либо возможность удовлетворительно объяснить ихъ. Приходится, слѣдовательно, ограничиться предположеніемъ, что римскій простолюдинъ только изъ любви къ полнотѣ формъ прибѣгалъ къ употребленію уменьшительныхъ суффиксовъ. Подобная любовь его сказывается и въ употребленіи глагола. Нерѣдко случается, что, вмѣсто простого глагола, повидимому безъ всякой нужды, употребляется форма учащательная или начинательная. Вотъ нѣкоторые

примѣры такихъ формъ у Плавта: accusitare, adiutare, amplexare, domitare и др. [1]).

И у Персія попадаются этого рода примѣры. Впрочемъ глаголы agitare (VI, 5), dictare (I, 52), и sectari (V, 71), имѣютъ соотвѣтствующее своей формѣ значеніе, чего нельзя сказать о глаголахъ въ начинательной формѣ. Къ этимъ глаголамъ мы относимъ слѣдующіе:

Frigesco (I, 109). Cat. r. r. I, 156, 6. Quint. VI, 1, 29. Tac. *ann.* VI, 70 и др.

impalesco (V, 62). Stat. Th. V, 805.

intabesco (II, 38). Cic. *n. d.* III, 35, 84.

imtumesco (V, 145). Ov. *fast.* I, 215. Tac. *ann.* I, 38 и др.

liquesco (II, 47) Cic. *Tusc.* II, 2, 52. Sen. ep. XXVI.

vanesco (III, 13). Ov. *am.* III, 7, 31 и писат. серебр. в.

В) *Глаголы съ именною основой* (обновительный элементъ языка).

Глаголы этого класса слѣдуетъ отнести къ области простонароднаго языка, который былъ богатъ ими. Богатство это могло постепенно приращаться, благодаря склонности вульгарной латыни производить глаголы отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Манера создавать глаголы изъ именныхъ основъ заставляетъ себя чувствовать при чтеніи тѣхъ писателей, которые, по языку, стоятъ близко къ сферѣ простонародной жизни. По отношенію къ Плавту этотъ взглядъ высказывался нерѣдко [2]). Но Плавтъ, конечно, не могъ вмѣстить въ свои комедіи все богатство народнаго языка: число именныхъ глаголовъ можно легко увеличить по индексу, составленному Риббекомъ къ римскимъ комикамъ. И послѣдующіе писатели, не исключая и Цицерона, вслѣдствіе сравнительной бѣдности литературнаго языка, прибѣгаютъ къ упомянутой манерѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ идутъ даже дальше Плавта. Виргилій, а за нимъ и другіе поэты и прозаики серебр. в., употребляетъ (Georg. IV, 299) *curvare*, между тѣмъ какъ Плавтъ говоритъ *curvom facere*. Послѣ комиковъ, представители сатирическаго рода литературы больше другихъ писателей заимствуютъ глаголы изъ

---

[1]) См. **Schmilinsky**, въ цит. соч., стр. 44. Ср. также **Ionas**, *De verbis frequentativis apud comoediae lat. scriptores.*

[2]) В. И. Модестовъ, *Лекціи по Ист. Рим. лит.* Кіевъ, I, 144 сл. См. тамъ же отзывы древнихъ объ языкѣ Плавта. **Schmilinsky**, p. 43.

области простонароднаго языка. Бѣглое чтеніе „Сатирическаго сборника“ Петронія легко можетъ утвердить насъ въ этомъ имѣніи. Въ глаголахъ: *incretare* (112), *molestare* (58), *naufragare* (61), *recutire* (68) и др. слышится чисто народный элементъ рѣчи (sermo plebejus).

Не безъинтересное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ Персій, въ сатирахъ котораго мы находимъ слѣдующіе глаголы съ именною основою.

Balanatus (отъ balanus) (IV, 37).
bullire (bulla) (III, 34). Vitruv. VIII, 3, 2.
cornicari [1]) (cornix) (V, 12). Hieron. *Ep.* 125 16.
cretatus (creta) (V, 117). Cic. *Att*, II, 3. Mart. II, 41.
curtare (curtus) (VI, 34). Horat. Sat. II, 3, 124. Ср. Вирг. curvare.
despumare (III, 3). Virg. *Georg.* I, 296 и писатели серебр. в.
ebullire (bulla) (II, 10). Cic. *Tusc.* III, 18, 42—transit. Petron. 42. 62.
eliquare [2]) (liquor) I, 35).
exossatus (os) (VI, 52) Pl. *Amph.* I, 1, 162.
fortunare (fortuna) (II, 45). Pl. *Trin.* II, 4, 175 и классики.
geminare (geminus) (III, 14) Varro r. r. III, 16, 32 и въ классич. и серебр. вв.
incurvare (curvus) (I, 92) Virg. *Aen.* V, 500 и въ серебр. в.
invigilare (III, 55). Virg. *Aen.* II, 605 и писат. серебр. в.
lallare (lallum) (III, 17) Hieron. *ep.* 14, 3.
lutatus (lŭtum) (III, 104) Cat. *r. r.* 9, 92. Mart. XIV, 50, 1.
nugari (nugae) (I, 56) Pl. *Trin.* IV, 2, 55.
occare (occa) (VI, 26) Pl. *Capt.* III, 5, 5. Цицеронъ, Варронъ и Колум.
ovatus (ovis) (II, 55) Pl. *Bacch.* IV, 9, 146, въ классич. и серебр. вв.
papare (papa) V, 79) Pl. *Epid.* V, 2, 62.
Patrare [3]) (I, 18).

---

[1]) См. Prisc. 433, 40 sq.

[2]) Бартъ (Adv. 35, 3) относитъ это слово къ образованнымъ въ древности глаголамъ, каковы: emusculare. evirare и др. Плюмъ (Pers. sat. p. 76), находя его у Апулея и Пруденція, говоритъ, что оно принадлежитъ къ періоду упадка. У архаическихъ писателей мы не могли отыскать этого глагола, но, вопреки Плюму, находимъ его у Колумеллы (XII, 27) и Сенеки (Quaest. nat. 3, 26).

[3]) Этотъ глаголъ, основа котораго *patr*, нужно отличать отъ *patro*, по основѣ родств. съ *pario*. См. Klotz, *Handwörterbuch* d. l. Sp.

recutitus (cutis) (V, 184) Petron. 68. Mart. VII, 30, 5.
rixari (rixa) (V, 178) Lucr. VI, 1284, и въ классич. и серебр. вв.
singultire (singultus) (VI, 72) Col. VIII, 11, 15 и др.
scintillare (scintilla) (III, 117) Lucr. V, 644, классич. поэты и писат. серебрянаго вѣка.
sitire (sitis) (I, 60 alibi) Pl. *curc.* I, 2, 14, и другіе поэты и прозаики.
somniare (somnium) (Prol. 2) Pl. *mil.* II, 4, 28. и послѣдующіе.
supplantare (planta) (I, 35) Cic. *off.* III, 10, 42 и въ серебр. в.
trutinari (trutina) (III, 82). Sidon. *Ep.* 5, 9. Cassiod., Hieron. въ дѣйствительной формѣ.
trepidare (trepidus) (I, 20 alibi) Pl. *Cas.* II, 7, 9, классики и др.
vaporatus (vapor) (I, 126) Lucr. V, 1132 и въ серебр. вѣкѣ.
vitiare (vitium) (V, 96 alibi). Cat. ap. Gell. XVII, 13, 4 послѣдующіе.

Какъ видно изъ приведеннаго перечня, всѣ глаголы съ именною основою относятся къ 1 и 4 спряженіямъ.

Кромѣ того, у Персія мы находимъ еще нѣсколько глаголовъ, которые, кажется, не употреблялись въ литературномъ языкѣ. Таковы: *emolere*, (VI, 26) *mejere* (I, 114) и *inmejere* (VI, 73).

Итакъ, изъ приведенныхъ подъ A и B глаголовъ 15 были употреблены уже до-классическими писателями, 10 классическими и 11 послѣ классическими. Изъ этихъ послѣднихъ 9 впервые находимъ у Персія, 3 принадлежатъ исключительно этому писателю.

C) *Употребленіе глагола.*

Объ употребленіи глаголовъ въ томъ или другомъ значеніи, а также объ управленіи ихъ, насколько этого требуетъ цѣль и объемъ нашей работы, мы скажемъ ниже. Теперь же обратимъ только вниманіе на то, что Персій, вмѣсто сложнаго, употребляетъ простой глаголъ, и этимъ платитъ извѣстную дань своему вѣку. Для примѣра приведемъ нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ *Ponere* вм. apponere [1]), (I, 55: calidum scis ponere sumen), *struere* вм. extruere (augere), (II 44: Rem struere exoptas), *linquere* (I, 43) вм. relinquere. Также простой глаголъ упо-

[1]) См тоже *Sat.* III, 111. IV, 23.

требляетъ нашъ поэтъ вмѣсто учащательнаго, какъ *sequi* вм. sectari (III, 61: An passim sequeris corvos testaque lutoque) [1]).

Въ образованіи глагольныхъ формъ Персій вообще не отступаетъ отъ общепринятыхъ правилъ, если не считать отступленіемъ употребленія архаическаго неокончательнаго страд. зал. *fallier* (III, 50), *dicier* (I, 28) и прошед. соверш. со слаг. накл. *faxit* (I, 112). Кромѣ того, у него встрѣчается необычная форма *vetavit* (V, 90), находящаяся еще у Сервія [2]) и въ позднѣйшей латыни [3]).

Глава II. Синтаксисъ.

Кажется, мы не рискуемъ впасть въ ошибку, если скажемъ, что тотъ, кто вооружится такъ называемыми общепринятыми правилами грамматики, будетъ видѣть отступленіе отъ этихъ правилъ при чтеніи любого писателя. Такъ напр. отъ правила, основаннаго на употребленіи Цицерономъ при *quum tamporale* изъявительнаго наклоненія [4]), нерѣдко найдешь отступленіе у самого Цицерона: „Epistolam *cum* a te avide *expectarem* ad vesperum, ut soleo, ecce tibi nuntius pueros venisse“ [5]). Тоже явленіе наблюдается и по отношенію къ другимъ синтаксическимъ правиламъ. Мы считаемъ нѣсколько неосновательнымъ всякое подобное отступленіе называть синтаксическою неправильностію, упадкомъ языка и т. п. именами. Поэтому въ вопросѣ о Персіевомъ синтаксисѣ мы примемъ за мѣрку не общепринятыя правила грамматики, но будемъ считать правильнымъ и законнымъ то или другое синтаксическое явленіе у нашего поэта, если только оно имѣетъ для себя оправданіе въ существованіи подобнаго явленія у предшествовавшихъ или современныхъ писателей. Что вполнѣ согласно съ правилами общеизвѣстной грамматики, то не будетъ имѣть мѣста въ нашемъ трудѣ.

---

[1]) Ср. Prol. II. *Sat.* V, 14.

[2]) Ad Virg. *Aen.* II, 201.

[3]) См. Krebs, *Antibarbarus*, 1197.

[4]) См. Reisig. *Vorles* S. 42. Lattmann, *Lat. Gram.* § 170.

[5]) *Att.* II, 9. Ср. *Fam.* X, 12. *Nat. deor.* I, 21, 59. *R. p.* 6, 9. Nep. *Them.* 7. „Cum Lacedaemonii quererentur opus nihilo minus fieri, interim reliqui legati sunt consecuti“.

1. СКАЗУЕМОЕ.

Здѣсь мы обратимъ вниманіе только на слѣдующія явленія, наблюдаемыя въ сатирахъ Персія, именно: на *нарѣчіе* въ роли сказуемаго, на *эллипсисъ* сказуемаго и на *прилагательное*, какъ *опредѣленіе* глагольнаго сказуемаго.

А) *Нарѣчіе въ роли сказуемаго.*

У Персія мы нашли нѣсколько случаевъ употребленія нарѣчія вмѣсто сказуемаго имени прилагательнаго: certe est (V, 51), erit ultra (V, 69), hoc bene erit (IV, 30), praesto est (VI, 56), ita est (V, 81), satis est (III, 78)[1]. Ричль[2], считаетъ такое употребленіе нарѣчія свойствомъ языка обыденной жизни: „sermo ad vitae usum communem compositus, а Е. Лудвигъ говоритъ, что такое сочетаніе нарѣчія съ глаголомъ *esse* составляетъ исключительную особенность простонародной рѣчи и въ хорошемъ латинскомъ стилѣ не допускалось[3]. Но такой взглядъ нельзя считать правильнымъ. Не говоря уже о Плавтѣ[4], о Катонѣ[5], Ливіѣ[6], Валеріѣ Максимѣ[7], Сенекѣ[8], Квинтиліанѣ[9], Тацитѣ[10] и другихъ писателяхъ, подобнымъ образомъ соединяется нарѣчіе съ глаголомъ esse и у лучшихъ представителей классической латыни, и притомъ не только въ эпистолярной рѣчи, но и въ ораторской, въ сочиненіяхъ философскаго и историческаго содержанія. У Цицерона читаемъ: „Tibi istam acerbitatem et iniuriam non *diuturne* fore[11].—Cum in convivio

---

1) Ср. также III, 30: te *intus* et in cute novi.

2) Proleg. ad. Trinummum, p. 109—114.

3) „In optimo dicendi genere cum verbo substantivo adverbium praedicative, ut hac voce utar, conjungi *nequit*". *De Petronii Sermone plebejo*, p. 32 sq.

4) Относящіеся сюда примѣры см. у Holtze, Synt. prisc. script. lat II, 6—8.

5) *Sero* est: у Геллія II, 19, 9.

6) Parum *commode* est. XXXII, 2, passim.

7) *Abunde* erit. IV, 3. 14.

8) *Contra* est., ista tam diversa *pariter* sunt. Ep. V, 6, VII, 3, passim.

9) *Contra* est. IX, 4, 72. Ср. VII, 1, 49. VII, 3, 14.

10) Conatus *frustra* fuissent. *Agric* 13. Dicta mpune erant. *Ann.* I, 72, et passim.

11) *Ad fam.* VI, 10, 5.

comiter et *iucunde* fuisses [1]).—Ut essent eorum alia aestimabilia, alia *contra* [2]).—Quod est longe *aliter* [3])". И у другихъ представителей прозаической литературы золотого вѣка часто можно видѣть нарѣчіе въ роли сказуемаго. „*Ita* ad hoc aetatis a pueritia fui [4]).—Postquam id *frustra* fuit [5]).—Romanos—*laxius licentiusque* futuros [6])".

Приведенные примѣры достаточно говорятъ въ пользу того, что употребленіе нарѣчія при глаголѣ *esse* въ роли сказуемаго не составляетъ исключительной особенности вульгарной рѣчи, но что оно не чуждо и лучшимъ представителямъ римской литературы разныхъ эпохъ. Наблюдая это явленіе языка, Миллеръ [7]) приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) съ глаголомъ *esse* могутъ соединяться нарѣчія *мѣстныя*: prope, proxime, procul, longe, obviam, и *не*-мѣстныя: ita, aliter, secus, contra, item, bene, male belle, recte; 2) въ этомъ случаѣ глаголъ esse служитъ не связкой, а получаетъ самостоятельное значеніе, употребляется въ смыслѣ *существовать*, *оказываться*, *становиться*, *дѣлаться*, *происходить* и т. п. Но, съ признаніемъ за глаголомъ esse самостоятетьнаго значенія, необходимо видѣть въ находящихся при немъ нарѣчіяхъ не сказуемое, а простое опредѣленіе. Напр. *Ita a pueritia fui*, гдѣ fui какъ бы употреблено вм. vitam peregi, будетъ значить: я существовалъ *такимъ образомъ* съ дѣтства. Не оспаривая мнѣнія Миллера, котораго держится и Негельсбахъ [8]), мы тѣмъ не менѣе не можемъ не высказать, что, при многихъ нарѣчіяхъ *образа дѣйствія*, часто совсѣмъ не чувствуешь въ глаголѣ esse указаннаго выше значенія и что соединенныя съ нимъ нарѣчія носятъ чистое понятіе сказуемости. Напр. „Erat enim villa Valerii nostri, ut *familiariter* essem et *libenter*" [9]) и „Romanos *licentius futuros*".

---

1) *Pr. Deiot.* 7.

2) *De fin. bon. et mal.* III, 15.

3) *De legg.* I, 17. Относящихся сюда примѣровъ приведено гораздо больше у Дрегера, *Hist. Synt. d. lat. Sp.*, p. 169., sq.

4) Sall. *Jug.* 85, 7.

5) Ibid. 71.

6) Ibid. 87.

7) Philolog. IX, p. 617 sqq.

8) Stilist. § 144.

9) Cic. *Att.* XVI, 7, 1. Cp. XIII, 52, I; 2.

В) *Эллипсисъ сказуемаго.*

Извѣстно въ русскомъ языкѣ опущеніе формъ настоящаго времени глагола „быть" при именномъ сказуемомъ. И латинскому языку не чуждо такое опущеніе, только тамъ оно допускалось гораздо рѣже, завоевавъ себѣ мѣсто въ пословицахъ и вообще въ краткихъ выраженіяхъ разговорнаго языка [1]). Напр.: Quot homines, tot sententiae [2]). Въ пословицахъ и поговоркахъ дѣйствіе эллипсиса распространялось, кромѣ глагола esse, и на другіе глаголы и притомъ не только въ настоящемъ времени, но и въ другихъ формахъ. Вспомнимъ изреченія: „Sus Minervam, Asinus Jovem, Ex ungue leonem" и др. Множество примѣровъ эллипсиса представляютъ комики, которые очень часто выпускаютъ глаголы *dicendi et sentiendi*, *movendi et agendi* [3]). Вотъ нѣкоторые примѣры: Egomet continuo mecum (cogitavi).—Ego me continuo ad Chremen (confero) [4]). -Pariter hoc atque alias res soles (agere) [5])". Даже и Цицеронъ нерѣдко допускаетъ эллипсисъ, но дѣлаетъ это съ осторожностію, такъ что пропущенный глаголъ легко восполнить изъ предыдущаго предложенія. Напр.: „Verum hoc idem faciamus saepe. Nos vero, inquit ille [6])". При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, кромѣ глаголовъ: *esse*, *dicendi*, *movendi* et *agendi*, Цицеронъ выпускаетъ и многіе другіе глаголы [7]). Но обратимся къ Персію, у котораго мы нашли слѣдующія мѣста, частію представляющія чистый эллипсисъ сказуемаго глагола, частію этотъ глаголъ можетъ быть подразумѣваемъ изъ предыдущаго предложенія.

а) *Въ вопросительныхъ предложеніяхъ:*

Quidnam tenerum? (est) (Sat. I, 98).—Itane? Verumne? (est) (III, 7).—Nemone? (venit) (III, 8).—Nunc non cinis ille poetae felix? (est)

---

[1]) Draeger, *Hist. Synt.* S. 172.

[2]) Ter. Ph. II, 4, 14.

[3]) Holtze, II, 21—22.

[4]) Ter. *Andr.* I, 1, 55. II, 2, 24.

[5]) Plaut. *Men.* V, 1. 52.

[6]) *De fin. bon. et mal.* IV, 28.

[7]) Дрегеръ (ст. 176 сл.) насчитываетъ ихъ 23.

(I, 34).—Pedius quid? (dicit, facit) (I, 85).—Quis enim? (sermo est). (I, 63).—Hoc bellum? (est) (I, 87).—Nec clam, nec cum scrobe? Nusquam? (mutire nefas) (I, 119).—Quid pulchrius? (est) (V, 179).—Reliquum? (est) (VI, 78).—Hoc satis? (est) (III, 27).—Cui verba? (facis) (III, 19).—Nam Romae quis non.... (auriculas asini habet?) (I, 8.)—Ordo quis datus aut metae quam mollis flexus et unde—Quis modus argento (sit) (III, 88 sq.).—Quis potior iudex puerisve quis aptior orbis? (sit) (II, 20).—Pulmone et lactibus unctis? (emeris) (II, 30).—Nonne hoc spumosum—et incoctum (est) (I, 96).

b) *Въ восклицательныхъ предложеніяхъ*:

O curvae in terris animae et coelestium inanes! (estis) (II, 61).—Ocius ad navem! (eamus) (V, 141).—Ad populum phaleras! (ostende) (III, 30).—O miser, inque dies ultra miser! (es) (III, 15).—Nempe haec assidue! (est, fit) (III, 1).—Bellum hoc! (est) (I, 87).—Nequicquam fundo nummus in imo! (est) (II, 51).—Arma virum! (cano) (I, 96).—Turpe et miserabile! (est) (I, 3).—Nemo hercule! „Nemo"! (leget) (I, 2).—Liber ego! (sum.) (V, 124).

c) *Въ повѣствовательныхъ предложеніяхъ*:

Unde Remus, sulcoque terens dentalia, Quinti... (natus es) (I, 73).—Compositum ius fasque animo, sanctosque recessus Mentis, et incoctum generoso pectus honesto (damus) (II, 73 sq.).—Inventus, Chrysippe, tui finitor acervi (est) (VI, 80).—Nunc ferus et violens (es) (V, 171).

Десятка три приведенныхъ нами мѣстъ, гдѣ Персій допускаетъ эллипсисъ сказуемаго, представляя иногда нѣкоторыя затрудненія при чтеніи, не должны быть относимы къ особенностямъ или неправильностямъ языка: это явленіе существовало въ латинскомъ языкѣ во всѣ его періоды, имѣя оправданіе для себя въ живой обыденной рѣчи. Поэтому писатели прибѣгаютъ къ эллипсису большею частію тогда, когда нужно выразить рѣчь кратко и придать ей больше живости. Что касается Персія, то онъ очень рѣдко допускаетъ смѣлый эллипсисъ, и допускаетъ его въ парентетическихъ восклицаніяхъ. Какъ на примѣръ такого эллипсиса, укажемъ на одно мѣсто изъ его первой сатиры [1]): „Turpe et miserabile"! Подобнаго эллипсиса мы не нашли у

[1]) Ст. 3.

прозаиковъ, но онъ не чуждъ языку поэтическому: „Tum pendere poenas Cecropidae jussi, *miserum!*“ [1]).

C) *Прилагательное, какъ опредѣленіе глагольнаго сказуемаго.*

Оканчивая нашу рѣчь о сказуемомъ, считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на его опредѣленіе. Роль опредѣленія при глагольномъ сказуемомъ, какъ извѣстно, исполняютъ нарѣчія. Но во всѣ періоды языка въ этой роли можно видѣть и прилагательное. Уже у архаическихъ писателей найдется не мало примѣровъ такого употребленія прилагательнаго вмѣсто нарѣчія [2]), но это употребленіе все-таки еще не имѣло такого распространенія, какъ въ послѣдующіе періоды языка. Не говоря уже о поэтахъ, оно не чуждо лучшимъ представителямъ прозы, Цицерону и др. [3]). „Ego vivo *miserrimus*“ [4]).—„Illi haud *timidi* resistunt“ [5]). Замѣчено [6]), что въ этой роли являются преимущественно прилагательныя, выражающія состоянія души, потому что *состояніе* души обнаруживается не столько въ самомъ дѣйствіи, сколько въ заинтересованномъ при дѣйствіи лицѣ. „*Hilares* accipiamus beneficium—qui *grate* beneficium accipit“ [7]). Здѣсь *hilares* означаетъ субъективное состояніе души, а *grate*—только форму и образъ принятія благодѣянія. Но область прилагательныхъ, играющихъ роль опредѣленія при глагольномъ сказуемомъ, вопреки замѣчанію названнаго стилиста, несравненно шире даже у Цицерона [8]). Ливій [9]), и Тацитъ [10]) еще болѣе распространяютъ ее.

Изъ Персія приведемъ слѣдующія мѣста: „At bona pars procerum

---

1) Virg, Aen. VI, 21. Ср. I, 251: infandum!

2) См. Holtze, II, 202.

3) Относящіеся сюда примѣры см. у Дрегера, стр. 324 слѣд.

4) Cic. *Att.* III, 5.

5) Sall. *Catil.* 60, 3.

6) Negelsb. *Stil.* § 82.

7) Sen. *Benef.* II, 22.

8) См. *off.* II, 13, 16. *Acad.* II, 6. *Rosc. Am.* 6. *De or.* I, 57 и во мног. друг. мѣстахъ.

9) Drakenberg. zu X, 33, 10.

10) Roth, ad. Agricol. p. 203.

tacita libabit (II. 5)".—Subeas *alternus* oportet—alternus oberres". (V, 155 sq.).—Lictor quam iactat *ineptus*" (V, 175).—„Labra moves *tacitus*" (V, 184).—„Excute *sollers* omne latus mundi" (V, 75 sq.).—„Scit risisse *vafer*" (I, 132). Удивительно, что знаменитый Казобонъ [1]) такое сочетаніе прилагательнаго съ глагольнымъ сказуемымъ считаетъ свойствомъ *поэтической* рѣчи.

2. Времена и наклоненія.

A) *Настоящее вр. вмѣсто прошедшаго совершеннаго*:

„Barbatum hoc crede magistrum Dicere, sorbitio *tollit* quem dira cicutae" (IV, 2).

И другіе поэты допускаютъ подобную замѣну временъ, когда, изъ желанія рельефнѣе изобразить предметъ или вещь, о которыхъ говорится, они въ краткомъ изъяснительномъ предложеніи упоминаютъ о какомъ либо обстоятельствѣ, случившемся съ этимъ предметомъ. „—dabo —Cratera antiquum, quem *dat* Sidonia Dido" [2]).

У Персія находимъ настоящее вмѣсто прошедшаго совершеннаго и въ главномъ предложеніи: „Vestalesque urnas et Tuscum fictile *mutat*" (III, 60) [3]).

B) *Будущее* 1-е вмѣсто *настоящаго сослагательнаго*:

„Verum nec nocte paratum *plorabit*, qui me volet incurvasse querela" гдѣ *plorabit* вм. *ploret*, etc. или *hunc opus est plorare, qui me commoveri* vult.

---

1) *Comment. in Pers. sat.*, p. 452.

2) Verg. *Aen.* IX, 263 sqq. Cp. XI, 172. Benoist въ примѣчаніяхъ къ приведенному мѣсту говоритъ: „Les substantifs, qui expriment une condition durable, comme *donum*, *munus* etc. se remplacent chez les poetes par le présent du verbe accompagné d'un rélatif". Это объясненіе, вполнѣ пригодное для случая, по поводу котораго оно высказано, чувствуется не совсѣмъ удовлетворительнымъ во многихъ другихъ случаяхъ: „patrem qui obtruncat ad aras". Aen. II, 663. Cp. Ibid. 274 sq. Horat. Sat. II, 3, 61, 277. I, 2, 56.

3) Нѣкоторые ученые (у г. Благовѣщенскаго, стр. 160) „*mutat*" считали сокращенною формою вм. mutavit.

Такіе случаи употребленія будущаго вмѣсто повелительнаго или сослагательнаго наклон. очень часто попадаются у комиковъ [1]), Горація [2]) и другихъ поэтовъ. Но употребленіе будущаго вм. повелительнаго не слѣдуетъ считать особенностію поэтическаго языка, такъ какъ оно встрѣчается и у представителя классической прозы, Цицерона: „Haec igitur tibi *erunt* curae“ [3]).—Tu interea non *cessabis* et ea, quae habes instituta, *perpolies* nosque *diliges*“ [4]).

C) *Будущее* вмѣсто *настоящаго изъявительнаго*:

„At bona pars procerum tacita *libabit* [5]) acerra“ (II, 5). Въ подобномъ значеніи будущее употреблено у Горація: „—non hic cuiquam parcet amico Et—omnes *gestiet* a furno redientes scire“ [6]); и у Ювенала: „At vos, Troiugenae, vobis ignoscitis et quae Turpia cerdoni, Volesos Brutumque *decebunt*“ [7]). Но возвратимся къ Персію. „Helleborum frustra, quum iam cutis aegra *tumebit*, poscentes videas“ (III, 63), гдѣ tumebit=quum cutis ircipiat tumescere.—„Lenia sibi surrentina rogabit“ (III, 93). Такое будущее Дрегеръ называетъ [8]) Futurum der Warscheinlichkeit“, сближая его съ нѣмецкимъ будущимъ вм. настоящаго. Если у классическихъ писателей и послѣдующихъ это будущее составляетъ, можно сказать, рѣдкость, такъ что одни ученые [9]) видятъ въ этомъ явленіи греческое вліяніе, другіе замѣняютъ его посредствомъ *perfectum aoristicum* [10]), то писатели, говорившіе съ римскимъ просто-

---

[1]) См. Holtze, II, 82.

[2]) *Ep.* I, 28, 37 sqq. *A. P.* 385. *Sat.* I, 3, 74. Въ примѣчаніяхъ къ послѣднему мѣсту Бентли говоритъ, между прочимъ: „Civile enim magis est futuris, quam imperativis praecipere, idqne Horatio solemne“.

[3]) Ep. *ad Fam.* III, 9, 4.

[4]) Ibid V, 12, 10—въ концѣ.

[5]) Впрочемъ, Рейцъ и Веберъ читаютъ *libavit*, считая его *perfectum aoristicum*. Но такъ какъ это сдѣлано вопреки рукописямъ, то чтеніе названныхъ ученыхъ остается одинокимъ.

[6]) Sat. I, 4, 35 sqq.

[7]) Sat. VIII, 182. Ср. XIV, 185

[8]) Hist. Synt., 256.

[9]) Casaub., 178: „non enim sic Latini loquuntur, verum Graeci“.

[10]) Рейцъ, Веберъ.

людиномъ на понятномъ для него языкѣ, могутъ служить доказательствомъ того, что употребленіе будущаго вм. настоящаго не чуждо, помимо греческаго вліянія, латинскому языку: „Haec *erit* bono genere nata; nihil scit nisi verum loqui“ [1]).

D) *Небрежность Персія въ выборѣ наклоненія.*

Персій иногда обнаруживаетъ небрежность въ выборѣ наклоненія, такъ что объясненія этого послѣдняго нужно искать не въ законахъ языка, а въ произволѣ писателя, у котораго не хватило умѣнья совладать со стихомъ. Нѣсколько примѣровъ такой небрежности представляетъ третья сатира (ст. 66 слл.): „Discite, quid *sumus* et quiduam victuri *gignimur*—quid asper Utile nummus *habet*, patriae carisque propinquis Quantum elargiri *deceat;* quem te deus esse *Jussit*, et humana qua parte locatus *es* in re. Disce, nec invideas, quod multa fidelia *putet,*—Maenaque quod prima nondum *defecerit* orca“. Болѣе внимательный писатель, поставивъ означенныя предложенія въ зависимость отъ „discite“, употребилъ бы вездѣ сослагательное наклоненіе, или же, допустивъ паратаксисъ,—вездѣ изъявительное.—„Adspice, si forte aliquid decoctius *audis*“ (I, 125). Кстати обратимъ здѣсь вниманіе на частицу *si*, которая употребляется вмѣсто вопросительной уже архаическими писателями [2]), и въ этомъ сказывается вліяніе простонародной рѣчи.

E) *Употребленіе неокончательнаго.*

Въ этомъ отношеніи въ сатирахъ Персія достойно замѣчанія употребленія *прошедшаго неокончательнаго* тамъ, гдѣ ожидается настоящее неокончательное. Мы нашли его въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ соединеніи съ настоящимъ и будущимъ: „An erit, qui velle recuset os populi *meruisse*“ (I, 42)—„Qui me volet *incurvasse* querela“ (I, 91).—„Scit *risisse* vafer“ (I, 132).—„Fert animus calidae *fecisse* silentia turbae“ (IV, 7).—„Quae tibi summa boni est? uncta *vixisse* patella semper“ (IV, 17).—„Ne sit praestantior alter Cappadocas rigida pin-

---

[1]) Plaut. Pers. IV, 4, 93. Другіе примѣры у Holtze, 82.

[2]) Holtze, II, 107.

gues *pavisse* catasta" (VI, 76 sq.).—„*Ostendisse* iuvat" (V, 24).—Въ соединеніи съ прошедшимъ: „totaque impune Subura Permisit *sparsisse* oculos" (V, 32 sq.).—„Nec in bicipiti *somniasse* Parnasso Memini" (Prol. 2 sq.).—Неокончательное настоящее и прошедшее въ зависимости отъ одного и того же глагола: „Haec (sc. scelerata pulpa) baccam conchae *rasisse*, et *stringere* venas Ferventis massae crudo de pulvere iussit (II, 66 sq.).—„Mire opifex numeris veterum primordia rerum, Atque marem stepitum fidis *intendisse* Latinae: Mox iuvenes *agitare* iocos, et pollice honesto Egregius *lusisse* senes" (VI, 3 sqq.).—„Usque recusem Curvus ob id *minui* senio, aut *coenare* sine uncto, Et signum in vapida naso *tetigisse* lagena" (VI, sqq.).

Эта форма неокончательнаго [1]) не составляетъ особенности языка Персія, ее нерѣдко можно встрѣтить у архаическихъ писателей [2]). Нѣкоторые ученые [3]), кажется, ошибочно отожествляютъ эту форму съ съ греческимъ неокончательнымъ аориста I. Противъ означеннаго мнѣнія говоритъ немало случаевъ употребленія прошедшаго неокончательнаго тамъ, гдѣ менѣе всего можно ожидать вліянія греческаго языка на латинскій. Мы разумѣемъ „*Senatusconsultum de Bacchanalibus* [4]). Въ этомъ офиціальномъ документѣ читаемъ: „*habuisse* velet, *fecise* velet" и др. И вообще въ *законодательномъ* языкѣ эта форма неокончательнаго имѣла распространенное употребленіе [5]). У Ливія она употребляется даже въ историчскомъ разсказѣ, послѣ глаголовъ *желанія*, послѣ *decet* и *melius est* [6]). Далѣе форму эту находимъ у ревнителя латинизма [7]), Катона Старшаго: „Ne quid *emisse* velit insciente domino, ne quid dominum *celavisse* velit.—Haruspicem ne quem *consuluisse* velit" [8]). Въ классической прозѣ тоже встрѣчается прошедшее неокон-

---

[1]) См. Madvig. *De formarum quarumdam verbi latini natura et usu*, II, 32 sqq.

[2]) Holtze, II, 80.

[3]) Plum. *Pers. sat.* p. 119, alibi. Holtze—въ указанномъ мѣстѣ.

[4]) См. Ричль *Prisc. lat. monum. epigr.* XVIII, а также *Corp. inscr. lat.* I, 196, p. 43 sq.

[5]) Liv. XXXIX, 17, XXXVIII, 11. Draeger, *Histor. Synt.*, 231.

[6]) III, 41, 3; 48, 3. XXIV, 16 passim.

[7]) См. В. И. Модестовъ, *Лекціи по Ист. Рим. Лит.*, I, 186.

[8]) *De re rust.* 5.

чательное, но оно повидимому употреблялось тамъ въ своемъ собственномъ значеніи: „Verum ego hoc, quod iampridem *factum esse* oportuit, certa de causa nondum adducor, ut faciam“ [1]). Но у классическихъ поэтовъ, равно какъ вообще у писателей серебр. в. [2]), оно имѣло довольно распространенное употребленіе, сопровождаясь преимущественно глаголами желанія и стремленія, а также выраженіями: iuvat, poenitebit, pudebit, sufficit, abunde est, satis est, contentus sum. [3]).

Кромѣ прошедшаго неокончательнаго, Персій ставитъ настоящее неокончательное тамъ, гдѣ оно не допускается лучшими писателями. Мы нашли его: b) при глаголѣ *facere*: „Quisquis es, o modo quem ex adverso *dicere feci*“ (I, 44). Впрочемъ и другіе поэты допускаютъ подобную конструкцію:—„qui nati coram me *cernere* letum *fecisti*“ [4]).—„Hoc me, nata dea, telum *flere facit*“ [5]). Намъ кажется, что въ указанныхъ мѣстахъ *facere* употреблено въ значеніи *принуждать*, *заставлять*, *cogere*; въ такомъ случаѣ не трудно объяснить употребленіе при немъ неокончательнаго. Гораздо свободнѣе употребляетъ Персій неокончательное (за исклюкеніемъ „poscentes videas“ III, 74); c) при *videre*, гдѣ обыкновенно ставится причастіе: Ecce modo sensus *affere videmus* nugari solitos graece“ (I, 69 sq.).—„Hos pueris monitus patres *infundere* lippos quum *videas*“ (I, 79 sq.).—„Postquam tertia compositas *vidit* nox *currere* venas“ (III, 90 sq.).—Чисто поэтическое употребленіе неокончательнаго [6]) вмѣсто причастія будущаго страд. зал. находимъ у Персія во второй сатирѣ (ст. 28): „praebet tibi *vellere* barbam Juppiter“ [7]). Но что такая конструкція не была чужда духу латинскаго языка,

---

[1]) *In Catil*. I, 2.

[2]) Кромѣ Тацита, у котораго по Дрегеру (Hist. S. 230) „findet sich keine Stelle“. См. впрочемъ *Dial. de or*. 18: *probasse* contentus sum“, 23: *significasse* contentus.

[3]) Sen. *Ep*. XL, 6, LIII, 11, XCIV, 38. Quint. *inst. or*. II, 1, 2, VIII, 6, 30. Plin. *Hist. nat*. X, 30. Just. XXI, 4, V, 4 и др.

[4]) Virg. *Aen*. II, 538.

[5]) Ovid. *Metam*. III, 690. Ср. Lucr. III, 101. 302. VI, 455, 510. См. E. Wilhelmus, *De infinitivi linguarum sanscritae.... Graecae Latinae forma et usu*, p. 35. Jolly, *Geschichte des Infinitivs*.

[6]) См. Quint. IX, 3, 9 sq.

[7]) Ср. Horat *Sat*. I, 1, 52. *Carm*. I, 12, 2. *Ep*. I, 3, 7. Juven. V, 171.

доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что и Цицеронъ иногда допускаетъ ее: „Consilium cepisse hominis fortunas *evertere*“ [1]).

d) Персій часто ставитъ неокончательное послѣ глаголовъ, выражающихъ *намѣреніе* или *стремленіе*, послѣ которыхъ обыкновенно употребляется предложеніе цѣли съ соотвѣтственнымъ союзомъ: „Minimum est quod *scire laboro*“ (II, 17).—„Non ego *curo esse* quod Arcesilas“ (III, 78).—„Et premitur ratione animus *vincique laborat*“ (V, 39) [2]). Такую конструкцію можно часто видѣть и у послѣклассическихъ [3]) прозаиковъ: Hunc ego in Syria—inspexi *amarique laboravi*“ [4]).

e) *Послѣ глаголовъ боязни* вм. придаточнаго предположенія съ *ut* или *ne*: „*Laudari metuam*“ (I, 47).—„Seriolae veterem *metuens deradere* limum“ (IV, 29) [5])

f) Послѣ глагола *recusare*, обыкновенно сочиняющагося съ союзами: *ne*, *quin*, *quominus* [6]), Персій *всегда* употребляетъ неокончательное: „Sed recti finemque extremumque *esse recuso* euge tuum“ (I, 48).— „—usque *recusem* Curvus ob id *minui* senio, aut *coenare*—et *tetigisse*“ (VI, 15 sqq.).—„Marco spondente, *recusas Credere* tu nummos?“ (V, 79 sq.).—„An erit, qui *velle recuset*“ (I, 41).—Такую конструкцію при *recusare* находимъ у послѣклассическихъ прозаиковъ: „Recusabas imperare“ [7]). Впрочемъ и въ классической прозѣ (исключая Цицерона) послѣ *recusare* попадается неокончательное, но только въ отрицательныхъ предложеніяхъ или въ вопросахъ, имѣющахъ отрицательный смыслъ [8]).

g) Исключительно поэтическое [9]) употребленіе неокончательнаго

---

1) *Pro Quinto* 16, 53. См. Macrob. (у Кейля) V, 624.

2) Ср. Sat. II, 21, V, 139. Horat. Sat. I, 1, III. II, 8, 19. *Ep.* 1, 3, 2. *A. P.* 435. Ovid. *Metam.* X, 413.

3) У классиковъ стоитъ неокончательное послѣ laborare съ отрицаніемъ. Cic. *Att.* V, 22, Verr. III. 55, 127. Nep. Pelop. 3, 1.

4) Plin. *Ep.* I, 10, 2. Ср. Just. XXI, 5.

5) Ср. Pl. *Ps.* I. 3, 69. Horat *Carm.* II, 2, 7, 11, 111, 10, IV, 5, 20. *Sat.* II, 5. 65. Ovid. *Her.* XVI, 283. Liv. XXXII, 31, 3.

6) Cic. *Off.* III, 27, 100: „Regulus sententiam ne diceret recusavit“. Caes. *B. G* IV, 7, 3. I, 31, 7. Liv. VIII, 7, 19.

7) Plin. *paneg.* 5. Just. XIV, 1, 6.

8) Caes. *B. G.* III, 22, 3. Liv. 53, 9 (въ концѣ). XXII, 60, 17.

9) См. впрочемъ Quint. X, 1, 96: At lyricorum Horatius fere solus *legi dignus*.

послѣ *существительныхъ* и *прилагательныхъ* для выраженія отношенія. Въ этомъ случаѣ прозаики обыкновенно ставятъ герундій съ предлогами *ad* или *in*. „Venter negatas *artifex sequi* voces (Prol. 11).—„Nec *ponere* lucum *artifices*, nec rus saturum *laudare*“ (I, 70 sq.)—„Pallentes *radere* mores *doctus* (V, 15).—„Manus *imitari mobilis*“ (I, 59).—„*Callidus* excusso *suspendere* naso“ (I, 118).—„*Laetari praetrepidum* cor“ (II, 54).—„*Dignoscere cautus* (V, 25).—„*Fallere sollers* regula“ (V, 37) [1]).

h) *Неокончательное въ роли существительнаго*. Прежде чѣмъ о... чить нашу рѣчь объ употребленіи неокончательнаго, укажемъ на нѣсколько случаевъ, гдѣ нашъ поэтъ, соединяя его съ мѣстоименіемъ указательнымъ или относительнымъ, придаетъ ему роль существительнаго: „*Nostrum istud vivere* triste“ (I, 9).—„*Scire tuum* nihil est“ (I, 27).—„*Hoc ridere meum*“ [2]) (I, 122) [3]. Считать-ли такое употребленіе неокончательнаго слѣдствіемъ вліянія греческаго языка, какъ думаетъ Дрегеръ [4]), рѣшить трудно. Однако то множество данныхъ, которыя находятся у представителей литературы (не только поэтической, но и прозаической) разныхъ эпохъ, склоняетъ насъ къ отрицательному отвѣту. Минуя поэтовъ, мы остановимся на прозаикахъ. Уже Катонъ Старшій [5]) говоритъ: Pleraque Gallia duas res industriosissime persequitur, rem militarem et *argute loqui*“. Цицеронъ: „interpositus annus alios induxit, ut victoriam sperarent, alios, ut *ipsum vinci* contemnerent“ [6]). У Сенеки—философа при неокончательномъ стоитъ родительный пад. мѣстоименія: „Quid autem *hujus vivere* est? diu mori“ [7]). То обстоятельство, что грекъ очень часто употребляетъ неокончательное въ роли существительнаго, далѣе, что римлянинъ находился подъ вліяніемъ греческой культуры, не даетъ еще намъ права заключать, что

---

[1]) См. также II, 34. III, 51. IV, 16. V, 20, 100. VI, 3, 24, 36, 77. Ср. Horat *Carm.* I, 1, 18; 3, 25; 197 IV, 12, 20 et passim.

[2]) Ср. Petron. 52.

[3]) См. также Sat. V, 53. VI, 38.

[4]) *Hist. synt.*, 305, 29: „Aber derselbe Graecismus u s. w.

[5]) *Origin.* II, у Харизія II, Кейль, I, 202.

[6]) Ad. *Fam.* XV, 2 (въ концѣ).

[7]) *Ep.* CI, 14 Ср. XCVIII, 11. *Benef.* V, 10, 1, VI, 7, 4. Val. Max. VII, 37.

послѣдній перенялъ у перваго манеру придавать неокончательному роль существительнаго. Это явленіе, наблюдаемое и въ новыхъ языкахъ, имѣетъ свое основаніе въ самой природѣ неокончательнаго, и, пока оно (явленіе) не будетъ объяснено болѣе удовлетворительно, мы вправѣ считать его столько же свойственнымъ латинскому языку, сколько греческому, нѣмецкому, русскому и др.

Кстати укажемъ тутъ, что у Персія пріобрѣтаютъ роль существительнаго *нарѣчія* и *междометія* въ соединеніи съ мѣстоименіемъ и прилагательнымъ: „*Euge tuum* et *belle*; nam *belle hoc* excute totum" (I, 49).—„Nilne pudet capiti non posse pericula cano Pellere, quin tepidum *hoc* optes audire *decenter*" (I, 83 sq.).—*Clarum mane* (III, 1).—„Jam *cras hesternum* consumpsimus, ecce *aliud cras*" (V, 68)[1].—„*Licet illud*" (V, 87).—„Suum χαῖρε" (Prol. 8).

По поводу употребленія повелительнаго и заступающаго его мѣсто сослагательнаго мы говорить не будемъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи Персій не отступаетъ отъ обыкновенныхъ требованій латинскаго языка. Укажемъ только на употребленіе частицъ при названномъ наклоненіи.

F) *Употребленіе частицъ.*

а) *Non, nec при повелительномъ.* Древніе и новые грамматики[2], основываясь на свидѣтельствѣ Квинтиліана[3], установили слѣдующее правило: для выраженія отрицанія употреблять частицу *non*, а для выраженія запрещенія—*ne*, *neve*. Слѣдовательно, мѣсто этой послѣдней частицы при повелительномъ и заступающемъ его мѣсто сослагательномъ накл. временъ настоящаго и прошедшаго соверш. Дѣйствительно, на сторонѣ этого правила большинство случаевъ такого употребленія названныхъ частицъ, но большинство *не* абсолютное. Такъ при *повелительномъ* наклоненіи *non* находимъ у Овидія: „Vos quoqne *non* caris aures *onerate* lapillis, *nec prodite*"[4]. Что касается *nec*=et non, то,

---

[1]) См. Pompeji commentum artis Donati, Keil. V, 1, 136, 6.

[2]) См. Krebs, *Antib.*, 759.

[3]) I, 5, 50: „qui dicit, pro illo *ne feceris, non feceris*, in idem incidit vitium (soloecismum), quia alterum (sc. non) negandi est, alterum (ne) vetandi".

[4]) *Ars. am.* III, 129. *Heroid.* XVII, 164. *Ep. ex Pont.*, I, 2, 105.

не говоря ужъ о поэтахъ разныхъ эпохъ [1]), оно употреблялось при *повелительномъ* накл. даже въ классической прозѣ: habe tuum negotium *nec* quid res mea familiaris postulet *existima* [2]). „При *сослагательномъ* (optativus, adhortativus, iussivus) *non* употребляется еще чаще [3]): „A legibus *non recedamus*" [4]). Немало найдешь ихъ даже у виновника выраженнаго выше правила: „*non desperemus*" [5]). Послѣднее обстоятельство показываетъ, что Квинтиліанъ порицалъ употребленіе *non* только при *прошедшемъ совершенномъ (non feceris)* Итакъ, *при повелительномъ* и *заступающемъ его мѣсто сослагательномъ,* кромѣ обыкновеннаго употребленія частицъ *ne*, *neve*, ставится не рѣдко также *non*, *nec* [6]). Возвращаясь къ Персію, мы находимъ, что и онъ допускаетъ употребленіе названныхъ частицъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: „*Non accedas*—*nec* te *quaesiveris* extra" (I, 5 sqq.).—„Disce, *nec invideas*" (III, 73).—„*Non* equidem hoc *dubites*" (V, 45).—*Nec* tu iam rupi vincula *dicas*" (V, 157).—„*Nec* [7]) *sit* praestantior alter (VI, 76).

Невольно приходитъ намъ на мысль судьба текста Персіевыхъ сатиръ. Сколько нерѣшительности и колебанія обнаружили ученые, напр., по поводу редакціи сейчасъ приведеныхъ мѣстъ [8]), благодаря тому, что трудно было отрѣшиться отъ точки зрѣнія такъ называемой общепринятой грамматики!

b) *Опущеніе частицы si въ обусловливающемъ предложеніи.* Считаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь, что Персій, для приданія бо́льшей живости рѣчи, опускаетъ иногда частицу *si* въ обусловливающемъ предложеніи. Вотъ примѣръ: „Quaesieris" (IV, 25)=si quaesieris.— „*Verterit* hunc dominus—exit" (V, 78).—„*Licet* ut volo vivere: non

---

[1]) Draeger, *Hist. Synt.* 302.

[2]) Cic. *Ad. Att.* XII, 22, 3. Cp. *ad fam.* IV, 5, 5. *Ad. Qu. fr.* I, 1, 4. Liv. XXII, 10. XXXVIII, 38.

[3]) Примѣры изъ архаич. писателей у Holtze II, 145 sq.

[4]) Cic. *p. Cluent.* 57 Cp. Liv. VI, 41, 10. XXXV, 48, Val. Max. IV, 3, passim. Sen. *ep.* XCIX, 14, CIII, 4. Plin. *ep.* III, 19, 6.

[5]) Quint VII, 1, 56. Cp. I, 1, 5. II, 16, 6. Другіе примѣры у Дрегера, 286 сл.

[6]) Reisig, *Vorles* p. 588.

[7]) Нѣкоторые издатели Персія читаютъ *ne*.

[8]) См. наши „*Этюды по Персію*", стр. 57, 58, 60.

sum liberior Bruto?" (V, 84).—„*Dixeris* haec inter varicosos centuriones" (V, 189)[1]). По тѣмъ же побужденіямъ, и повелительное накл. Персій заставляетъ играть роль цѣлаго условнаго предложенія: „*Occa*, et seges altera in herba est" (VI, 26).=si occaveris, seges altera in herba erit.—„*Quaere* ex me, quis mihi quartus Sit pater; haud prompte, dicam tamen" (VI, 56 sq.)[2]).

3. УПОТРЕБЛЕНІЕ ПАДЕЖЕЙ.

Въ этомъ отношеніи въ сатирахъ Персія представляется для насъ не много фактовъ, по поводу которыхъ мы можемъ говорить, не выходя за предѣлы нашей работы. Поэтому рѣчь наша объ употребленіи падежей ограничится самыми короткими указаніями и замѣчаніями.

A) *Именительный падежъ*.

Достойно замѣчанія употребленіе Персіемъ a) *именительнаго* пад. вм. *звательнаго*: „Vos o *patricius sanguis*" (I, 64).—„Pulsa, dignoscere *cautus*" (V, 24)[3]). b) *Именительнаго* вм. *винительнаго*: „Destertuit esse *Maeonides*" (VI, 11)=sommiare desiit, se esse Maeonidem.—Укажемъ здѣсь, что у Персія по аттракціи стоитъ, c) *звательный* вмѣсто *именительнаго*: „Audaci quicumque *afflate* Cratino palles" (I, 123),—„Stemmate quod Tusco ramum *millesime* ducis Censoremve tuum vel quod *trabeate* salutas" (III, 28 sg.)[4]). Присціанъ такую замѣну падежей одного другимъ называетъ грецизмомъ: „Atticis mos est *nominativos* pro *vocativis* proferre", дѣлая при этомъ ссылку на Иліаду[5]). „Macedones autem et Thesali[6]) eo contrario *vocativos* salebant pro *nominativis* proferre"[7]).

---

[1]) Ср. Horat. *Sat.* I, 1, 45, II, 6, 39; 7, 68.
[2]) См. также *Sat.* V, 177. III, 107.
[3]) Ср. Lucan *Phars.* II, 116. IV, Horat. *A. P.* 291. Virg. *Aen.* VIII, 76.
[4]) Ср. Virg. *Aen.* II, 282. X, 327. Horat, *Sat.* I, 2, 31 sq. II, 6, 20.
[5]) III, 277.
[6]) Ib. II, 107.
[7]) II, 208 (у Кейля). Ср. также II, 211.

В) *Винительный падежъ.*

a) *Винительный при глаголахъ съ непереходнымъ значеніемъ.* Нѣкоторые глаголы, выражающіе душевное состояніе, ставятся въ латинскомъ языкѣ съ винительнымъ вещи (иногда лица), хотя собственно они—глаголы *непереходные.* Такое употребленіе, хотя въ довольно ограниченномъ числѣ случаевъ, уже находимъ у архаическихъ писателей. Классики больше поработали въ пользу его распространенія [1]). Поэты же и послѣклассическіе прозаики еще дальше идутъ въ этомъ направленіи. Такъ, по почину Луцилія [2]), Виргилій, Горацій, Овидій, даже и Ливій [3]) употребляютъ глаголъ *tremere* въ переходномъ значеніи.

У Персія изъ такихъ глаголовъ обращаютъ на себя вниманіе:

Pallere: „Quicumque *iratum Eupolidem palles*" (I, 124).—„*Sabbata palles*" (V, 184).—„Hoc est, *quod* (вин.) *palles*" (III, 85) [4]).

Callere: „*Dicenda tacendaque calles*" (IV, 5).—„Et veri speciem *dignoscere calles* (V, 105) [5]).

Кромѣ того:

Sapere: „Cum. *sapimus patruos*" (I, 11).—„Nec *demorsos sapit ungues*" (I, 106).

Anhelare: „*Quod* pulmo animae praelargus anhelat" (I, 14) [6]).

Cantare: „*Cantare Pegaseium melos*" (Prol. 14).—„Cum bene distincto *cantaverit ocima* vernae" (IV, 22).

Sonare: „*Sonat vitium*" (III, 21).

Кажется, что „sapere" съ винительнымъ лица впервые употребленъ Персіемъ.

b) *Винительный прилагательнаго ср. р. вм. нарѣчія.* Этотъ винительный, встрѣчающійся у архаическихъ [7]) писателей довольно рѣдко,

---

[1]) Draeger *Hist. S.* 330 ff.

[2]) У Лактан. I, 12, 13.

[3]) XXII, 27, 3:—„*virgas* ac *secures* dictatoris *tremere* atque *horrere* soliti sint".

[4]) Ср. III, 24.

[5]) Ср. IV, 20.

[6]) Ср. Lucan. VI, 92.

[7]) Энній говоритъ у Феста 177, 20: acuta ululare Ср. Lucan. *Phars.* I, 567: tristia ululare".

съ жизнію языка постепенно расширяетъ свою область, такъ что его нерѣдко можно видѣть уже у Цицерона[1]). У поэтовъ же и позднѣйшихъ прозаиковъ[2]) примѣры его многочисленны.

У Персія онъ находится въ слѣдующихъ мѣстахъ: „*verum* nec nocte *paratum plorabit*" (I, 90).—„*Multum gaudere* paratus" (I, 132).—„*Oscitat hesternum* (III, 59).—„*Subrisit molle*" (III, 110),—„*despuat acre*" (IV, 34). Quid *solidum crepet*" (V, 25).—„*Mendosum tinniat*" (V, 106).—„*Crassum ridet*" (V, 190).—„*Surdum spirent*" (VI, 35).

C) *Родительный падежъ.*

И въ употребленіи родительнаго падежа у Персія нѣтъ особенныхъотступленій отъ обыкновеннаго синтаксиса, хотя въ этомъ отношеніи и платитъ нашъ поэтъ нѣкоторую дань своему вѣку, въ который значительно увеличилось число прилагательныхъ, выражающихъ *обиліе*, *недостатокъ, умѣренность*, и употребляющихся съ *родительнымъ* пад., вмѣсто *творительнаго* съ предлогомъ или безъ него. Къ такимъ прилагательнымъ слѣдуетъ причислить:

Sterilis: „Veri"[3]) (V, 75)[4]).

Modicus: „Voti" (V, 109)[5]). Цицеронъ употребляетъ это послѣднее прилагательное съ предлогами *in* и *ad*[6]).

Inanis: „animae *coelestium*[7]) *inanes*" (II, 61)[8]).

Родительный вм. *творительнаго отношенія*[9]) стоитъ у Персія послѣ *securus*: „securus *vulgi*" (VI, 12). Уже у Виргилія сочиняется

---

1) *Pro Arch.* 10: „Pingue quidam sonantibus et peregrinum". Ср. *Tusc.* II, 24. *Off.* III, 21. *Ad. fam.* II, 18, 5.

2) Horat *Sat.* I, 3, 26. I, 8, 46. II, 12, 14. Virg. *Aen.* VI, 50. VII, 287. VIII, 248. Nep. *Epam.* 6. Tac. *ann.* III, 11, IV, 60 и другіе.

3) У Лукреція (II, 848) съ твор.: *sonitu et suco.*

4) Ср. Vel. I, 18, 3. Tac. *Hist.* I, 3: Saeculum st. virtutum. Curt. VII, 3, 8.

5) Tac. *ann.* VI, 39: mod. originis.

6) *Or.* 21, 69. *Parad.* 6, 2, 47,

7) У Циц. (*Att.* II, 8, 1) съ творит.

8) Sil. II, 309.

9) У Цицерона съ предлогами: *de* (*Att.* II, 52) и *ab* (Fam. X, 24).

это прилагательное съ родительнымъ падежемъ: „*Securus amorum* germanae [1]).

D) *Творительный падежъ.*

Въ употребленіи творительнаго падежа Персій не нарушаетъ общихъ законовъ языка, хотя и встрѣчается у него чисто поэтическое употребленіе творительнаго (мѣста) безъ предлога при слѣдующихъ глаголахъ:

Jacere: „Jaces lucis" (II, 27). Въ другомъ мѣстѣ съ предлогомъ *in*: „iacet in litore" (VI, 29) [2]).

Condere: „surdaque vota *conditit Jonio*" (VI, 28 sq.) [3]).

Pendere: „crassus *calamo* quod *pendeat* humor" (III, 12) [4]).

Ponere: „*Positum* est algente *catino* Durum olus" (III, 111 sq.) [5]). Но нѣсколько выше съ предлогомъ *in*: „et *pone in pectore* dextram" (III, 107).

Глава III. Метафора.

Говоря объ языкѣ Персія, нельзя не сказать нѣсколько словъ объ одномъ важномъ источникѣ, изъ котораго много черпаетъ нашъ поэтъ. Мы имѣемъ въ виду метафору. Ни одно, кажется, обстоятельство не дѣлаетъ рѣчь Персія столь замысловатою, какъ метафора, къ которой онъ прибѣгаетъ слишкомъ часто, причиняя этимъ немало затрудненій своимъ *неримскимъ* читателямъ. Употребленіе многихъ словъ въ переносномъ значеніи, а еще болѣе самый выборъ и образованіе метафоры обличаетъ въ нашемъ авторѣ нѣкоторую своеобразность (stylus morosus), благодаря которой онъ пріобрѣлъ себѣ хулителей въ новое время. Своеобразность въ грамматическомъ строѣ языка, выработавшаго въ лицѣ лучшихъ представителей литературы опредѣленныя правила, можетъ въ извѣстной степени подвергаться порицанію.

---

[1]) *Aen.* I, 360. Cp. VII, 303. X. 326.

[2]) Cp. Lucan *Phars.* I, 686. II, 34 VIII, 861.

[3]) Cp. Lucan. I, 541. Tac. *ann.* I, 28.

[4]) Cp. Sat. III, 40. Lucan. I, 25, II, 354 alibi.

[5]) Cp. Sat. V, 3, Lucan. I, 82. 560. alibi.

Но своеобразность въ метафорѣ, которая, по своему свойству, не знаетъ въ живомъ языкѣ ни числа, ни опредѣленныхъ правилъ, границъ, только способна увеличивать богатство языка съ его внѣшней и внутренней стороны, формы и содержанія. Само собой разумѣется, что пригодность этого богатства для языка находится въ прямомъ отношеніи къ таланту изобрѣтателя метафоры. Оставляя до благопріятнаго случая вопросъ о талантливости Персія, мы укажемъ на случаи употребленія имъ метафоры. Отсюда будетъ видно, въ какихъ сферахъ виталъ умъ поэта и какія, слѣдовательно, сферы нужно имѣть въ виду при чтеніи его сатиръ, какъ средство для болѣе легкаго уразумѣнія ихъ.

А) *Метафора глагола.*

Изъ глагольныхъ метафоръ у Персія чаще всего попадаются метафоры отъ глаголовъ, выражающихъ *движеніе* и особенно отъ глаголовъ съ понятіемъ *течь*, *лить*. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Currere: „Tertia compositas vidit nox currere venas“ (III, 91) [1].

Effundere { „Nisi carmina molli Nunc demum numero fluere, ut per leve
Fluere { severos Effundat iunctura ungues“ (1, 64 sq.) [2].

Eliquare: „et plorabile si quid Eliquat“. (I,35).

Jnfundere: „Hos pueris monitus patres infundere lippos Cum videas“. (1,79) [3])

Liquescere: „Cum in flamma iunicum omenta liquescant“ (II, 47).

Съ понятіемъ исчезать:

Ebullire: O si Ebullit patrui praeclarum funus“. (II, 10.) [4]).

Labi: „Qui tibi labentes adponit candidus annos“ (II, 2) [5]).

съ понятіемъ огня холода и вѣтра:

Scintillare { : „Nunc face supposita fervescit sanguis et ira Scintillant
Fervescere { oculi“. (III, 116 sq.) [6])

---

[1]) Cp. Cic. *Brut* 63, 227 Or. 59, 200 Horat *Sat* 1, 10, 9.

[2]) Cp. Cic *de nat deor*. II, 24, 63. Sen *ep*. C, 2.

[3]) Cp. Cic. *or* II, 87, 355.

[4]) Cp. Liv. *Praef*. 9. Другія метафоры см. 1, 45. III, 8, 20, 47 48.

[5]) Lucr. III, 289.

[6]) Plin *ep*. III, 14, 2. Hor. *Carm* 1, 13, 4.

fervere:: „ubi commota fervet plebecula bilĕ" (IV, 6)[1]).
frigescere: „ne maiorum tibi forte Limina frigescant". (I, 108 sq.)[2])
afflare: „Audaci quicunque afflate Cratino". (I, 123).[3])

Но метафоры означенныхъ глаголовъ не чужды и другимъ римскимъ писателямъ; не чужды онѣ также и новымъ языкамъ; поэтому не представляютъ особенныхъ затрудненій при чтеніи сатиръ Персія, чего нельзя сказать о метафорѣ нѣкоторыхъ другихъ глаголовъ, которые у Персія исполняютъ нѣсколько функцій. Такъ:
Radere, которое собств. значитъ *скоблить,* употреблено въ смыслѣ: a) perstringere, vituperare: „teneras mordaci radere vero auriculas." (I, 107)[4]). b) adimere, imminuere. „Damnosaa canicula quantum raderet". (III, 49). c) expolire. „Crimina rasis (expolitis, summa arte limatis) librat in antithetis". (I, 85).
Morari=detinere voluptate, placere: „Sunt quos Pacuviusque et verrucosa moretur Antiopa". (I, 77).
Pallere собств. блѣднѣть, употреблено въ разныхъ значеніяхъ: a) timere: „at intus palleat infelix quod proxima nesciat uxor?" (III, 43)[5]) b) sedulo aliquid vel aliquem tractare: „At te nocturnis iuvat palescere chartis" (V, 62).—„Quicunque afflate Cratino iratum Eupolidem praegrandi cum sene palles". (I, 124)[6]). c) expetere, cupiditate alicuius rei occupari: „Viso si palles improbe nummo". (IV, 47)[7]). Отсюда уже „pallentes mores" (V, 15)=mores corrupti.
Emolere=emolendo consumere: „Messe tenus propria vive et granaria, fas est, emole". (VI, 25).
Objurgare=verberibus afficere: „solea puer obiurgabere rubra". V, 169).[8])

Указываемъ еще на одну, уже слишкомъ смѣлую метафору въ III

---

[1]) Ср. Sat. I, 126. II, 67. III, 37, V, 9.
[2]) Ср. Cic. *Brut.* 50, 187. Ср. *Calere* Sat. III, 108.
[3]) Ср. Cic. *Or.* II, 46, 194. *Att.* XVI, 5, 1.
[4]) Ср. Sat. V, 15.
[5]) Ср. Sat. IV, 38, V, 184. Hor. *ep.* I, 7, 7. Juven. XIII, 223.
[6]) Ср. III, 54, 85. Quint VII, 10, 14. Juven. VII, 96.
[7]) Ср. Hor. *Sat.* II, 3, 79.
[8]) Sen. *de ira.* III, 12. Suet. *Cal.* 20.

сат. 92 ст., гдѣ „lagena" называется „modice sitiens" что значитъ, по объясненію комментаторовъ; „non nimium capax lagena"[1])

В) *Метафора имени существительнаго.*

Метафоры изъ именъ существительныхъ, взятыя отъ человѣческаго тѣла, его частей и разныхъ состояній. Такъ названіе частей тѣла Персій употребляетъ для выраженія ощущеній или душевныхъ состояній, мѣстопребываніемъ которыхъ считаются эти части: *bilis*[2]) означаетъ гнѣвъ и называтся *vitrea, commota, mascula:* „Commota fervet plebecula bile" (IV, 6).[3])
Jecur, pectus, praecordia употреблены вм. *animus*: „Quo didicisse nisi... rupto iecore exierit caprificus?" (I, 24 sq.)—„Tibi... excutienda damus praecordia". (V, 22)[4]) *Auris vaporata* означаетъ attentum animum: „Jnde vaporata lector mihi ferveat aure". (I, 126). *Frons* вм. pudor: „exclamet Melicerta, perisse Frontem de rebus". (V, 103 sq.)—*Venter* вм. *fames, egestas:* „Magister artis ingenique largitor Venter". (Prol. 10 sq).

Физическими состояніями выражаются душевныя: *delumbe*—съ перебитою поясницею—означаетъ душевную немощь: „summa delumbe saliva Hoc natat in labris". (I, 104 sq.), *venosus*—жилистый вм. *libidinosus:* „Est nunc, Brisaei quem venosus liber Atti...... moretur" (I, 76); *fibra cornea* вм. animus durus.: „neque enim mihi cornea fibra est." (I, 47).
Saliva—слюна означаетъ: *жадность*[5]). „Inque luto fixum possis transcendere nummum, Nec gluto sorbere salivam Mercurialem?" (V, 111 sq), *вкусъ*[6]) „Nec tenuem sollers turdarum nosse salivam" (VI, 24).—*Cani* означаетъ старость, дряхлость: „petite hinc—Finem animo certum,

1) Ср. Sat. V, 136.

2) Ср. Sen. *ep.* XCIV, 17: „Bilis nigra curanda est et ipsa furoris causa removenda".

3) Ср. Sat. III, 8. V, 134. См. также IV, 48, гдѣ выражена метафора, которую считаемъ неудобнымъ приводить здѣсь.

4) Ср. *Sat.* II, 74. I, 12.

5) Sen. *ep.* LXXIX, Petr. 48.

6) Prop. IV, 8, 38.

miserisque viatica canis". (V, 64 sq.)—*Pallor*, *senium* означаетъ вялыхъ, безсильныхъ людей (I, 27)[1])

3. МЕТАФОРЫ, ВЗЯТЫЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ СФЕРЪ ЖИЗНИ.

Но сдѣланныя до сихъ поръ указанія еще не исчерпываютъ вопроса о метафорѣ у Персія, при чтеніи сатиръ котораго читатель то-и-дѣло наталкивается на образы, взятые изъ разныхъ сферъ человѣческой жизни и дѣятельности[2]). Само собой разумѣется, что читателю, незнакомому съ этими сферами, трудно уловить содержаніе даннаго мѣста. Указываемъ на тѣ сферы, изъ которыхъ нашъ сатирикъ черпалъ метафоры.

Жизнь въ деревнѣ, гдѣ Персій, по словамъ древняго біографа, прожилъ до шестилѣтняго возраста, оставила въ поэтѣ нѣкоторыя восноминанія, звучащія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Quum bene discincto *cantaverit ocima* vernae" (IV, 22). „Belle hoc *excute* totum" (I, 50)[3]), гдѣ *excutere*, собств. означающее *встряхнуть* (saccum), употреблено въ смыслѣ *considerare*, *explicare*.—*Filix*—папоротникъ означаетъ волосы: „non tamen ista filix ullo mansuescit aratro" (IV 41).—*Frux Cleanthea*—вм. мудрость: „Inseris aures fruge Cleanthea" (IV, 63).—Прибавимъ и тѣ метафоры, которыя навѣяло Персію воспоминаніе дѣтства. Такъ выраженіе *nuces relinquere* у него означаетъ переходъ изъ дѣтства въ юношескій возрастъ: „nucibus facimus quaecunque relictis". (I, 10). Далѣе отъ игры въ кости взята метафора: „Tibi *recto* vivere *talo* ars Dedit?" (V, 104), гдѣ „recto talo" значитъ *aequo animo*.

Метафоры изъ жизни форума: „Scis etenim iustum gemina suspendere lance Ancpitis librae" (IV, 10), гдѣ *libra*—*вѣсы*—означаетъ рѣшеніе, *lances*—чашки—тяжущіяся стороны, *suspendere*—производство разслѣдованія. Въ такомъ же значеніи употребленъ у Персія глаголъ *librare*: „Crimina rasis librat in antithetis" (I, 87). *Examen*—стрѣлка отъ вѣсовъ, *trutina* вѣсы и *regula* означаютъ *приговоръ*, *рѣшеніе*: „examenve improbum in illa castiges trutina". (I, 6 sq.)—„rectum discernis ubi inter Curva subit vel cum fallit pede regula varo". (IV, 11 sq.)[4]). Далѣе ту же сферу напоминаетъ выраженіе „cretata ambitio=toga candida: „Quem ducit hiantem Cretata ambitio" (V, 176 sq.)[5]) и „pu-

1) Ср. Horat. *ep.* I, 18, 47.

2) О метафорѣ въ этомъ родѣ писалъ Пьерсонъ въ Rhein. Mus. XII, 88—98.

3) Ср. Sat. V, 22.

4) Ср. IV, 13. V, 47.

5) Ср. V, 175.

teal flagellare", что, по объясненію Казобона, значитъ „frequenter adire forum et in turba forensi assidue versari, puteal premere: „Si puteal multa cautus vibice flagellas" (IV, 49).

Метафоры, взятыя изъ жизни ремесленной. Тутъ обращаетъ на себя вниманіе *regula*, употребленное въ смыслѣ *praeceptum philosophiae*: „tum fallere sollers Apposita intortos regula mores" (V, 37 sq.), *carbo* и *creta*, служащія для начертанія границъ, въ которыхъ долженъ удерживаться истинно нравственный человѣкъ: „Quaeque sequenda forent, quaeque evitanda vicissim Illa prius creta, mox haec carbone notasti:" (V, 107 sq.) [1]); *pictae tectoria linguae* означаетъ лицемѣріе, притворство: „dignoscere cautus Quid solidum crepet et pictae tectoria linguae" (V, 24 sq.)—Припомнимъ приведенную выше метафору: „crimina rasis Librat in antithetis" (I, 85 sq.) [2]). Отъ рыбной ловли Персій взялъ нѣсколько образовъ, къ которымъ слѣдуетъ отнести V, 154: „Duplici in diversum scinderis hamo" [3]). Отъ кормленія птицъ: „aut quantas robusti carminis offas Ingeris" (V, 5) [4]). Отъ птицъ, подражающихъ человѣческой рѣчи: „Corvos poetas et poetridas picas Cantare credas Pegaseium melos" (Prol. 13 sq.)—„Nescio, quid tecum cornicaris inepte" (V, 12) [5]).

Очень часто Персій заимствуетъ образы изъ *міра животныхъ*. Такъ онъ уподобляетъ человѣка, неповинующагося своему господину (страсти), собакѣ, которая, хотя и сорвалась съ цѣпи, но цѣпь все-таки волочится съ ея шеи [6]). Отъ лисицы и змѣи взятъ образъ хитреца [7]).

Метафоры изъ царства растеній: „Caprificus" употреблено какъ символъ страсти: „quo didicisse nisi—rupto iecore exierit caprificus." (I, 26) [8]).

Кромѣ названныхъ сферъ, Персій беретъ еще образы изъ міра

[1]) Cp. Hor. *Sat.* II, 3, 246.

[2]) Cp. I, 23. II, 75.

[3]) Cp. тотъ же образъ у Проперція V, (IV) I, 141 sqq. Sen. *de vit. beat.* 28.

[4]) Cp. Col. VIII, 3, O. Iahn. 182.

[5]) Cp. *Rara avis* (I, 46), означ. *raram rem.* Cp. Iuven. VI, 165.

[6]) Sat. V, 157, sqq. Cp. V, 170. Sen. *de vit beat.* 16.

[7]) Sat. V, 115. Другія метафоры изъ царства животныхъ см. IV, 14. V, 118. I, 59.

[8]) Cp. Sat. I, 97. III, 116.

боговъ [1], изъ области медицины [2], гимнастики [3], конскаго ристалища [4], скульптуры [5] и друг.

Вотъ въ какія сферы ходилъ Персій затѣмъ, чтобы стоическія абстракціи облечь въ конкретную форму. Для римлянина, привыкшаго къ конкретности выраженій, манера Персія приходилась по душѣ. Тутъ кажется намъ, кроется одна изъ причинъ того, что сатиры Персія имѣли большой успѣхъ среди образованыхъ современниковъ и ближайшаго потомства. Указываемъ на фактъ преподаванія сатиръ Персія въ школахъ. Иная участь встрѣтила Персія въ новое время. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

Глава IV. Общія замѣчанія по поводу языка Персія.

Выше [6] мы намекнули на отзывы ученыхъ объ языкѣ Персія. Теперь считаемъ нужнымъ сгруппоовать эти отзывы. Начиная съ XVI стол. Персій подвергается ожесточеннымъ нападкамъ со стороны ученыхъ. Такъ Юлій Скалигеръ говоритъ: „Persii stylus morosus, et ille ineptus, qui cum legi vellet quae scripsisset, intelligi noluit quae legerentur“ [7]. Не менѣе суровый приговоръ о нашемъ сатирикѣ находимъ у другого Скалигера, Іосифа: „Persius affectavit obscuritatem“.... C'est un pauvre poète, lequel pourtant nous entendons tout. — Persius miserrimus auctor, obscuritati studet“ [8].... Далѣе Генсій, между другими недостатками Персія, порицаетъ темноту его рѣчи, говоря „quae (sc. obscuritas) plerumque ab imbecillitate aetatis aut ingenii aut defectu sermonis proficisci solet“ [9].

---

1) Sat. V, 47, 164, III, 48. II, 28. *Prol.* 7.

2) Sat. I, 108. V, 63, 86.

3) Sas. I, 36. II, 13.

4) Sat. III, 68.

5) Sat. I, 63 sqq.

6) Въ предисловіи.

7) *Hypercrit* p. 838. Ср. *Ars poet.* III, 97. VI, 6.

8) *Scaliger.*, p. 125, [illegible].

9) De *Sat. Horat.* I, 70. 138. II, 227—231. Ср. König. *De Sat. Rom.*, p. 40 sqq. Manso, *Charakter. d. vorn. Dichter*, 81 sqq. Bernhardy, Gr. de Rom. Lit. 247 sq. Teuffel, *die Sat. d. Pers. Einleitung* и др.

Большая часть этихъ мнѣній перенесена и въ Россію г. Благовѣщенскимъ [1]).

Какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, Персію болѣе всего достается за темноту его рѣчи. Надо признаться, что эта темнота даетъ себя сильно чувствовать каждому *неримскому* читателю, и строгій голосъ знаменитыхъ ученыхъ въ состояніи бы обречь сатирика Неронова времени на вѣчное забвеніе, если бы на выручку не явились свидѣтельства древности, совершенно идущія въ разрѣзъ съ упомянутымъ голосомъ. Біографія передаетъ, что съ выходомъ въ свѣтъ книга сатиръ Персія была принята съ восторгомъ, ее брали на расхватъ: „Editum librum continuo mirari homines et diripere coeperunt". Справедливость заявленія біографа едвали-ли можетъ подлежать сомнѣнію. У него же сообщается, что Персій лично имѣлъ удовольствіе выслушать восторженный отзывъ о своихъ сатирахъ изъ устъ поэта Лукана, назвавшаго ихъ истинно-поэтическими, въ противоположность своимъ, имѣющимъ одну цѣль и назначеніе—забаву (ludicra). Но болѣе важнымъ считается свидѣтельство Квинтиліана: „Multum et verae gloriae, quamvis uno libro, Persius meruit" [2]). Это свидѣтельство получаетъ въ нашихъ глазахъ еще бóльшую цѣну потому, что оно связано съ именемъ лица, оберегавшаго болѣе, чѣмъ кто либо другой въ его вѣкъ, чистому латинской рѣчи (puram latinitatem). Далѣе мы не знаемъ почти ни одного грамматика, жившаго послѣ Персія, у котораго бы не нашлось нѣсколько десятковъ мѣстъ изъ его сатиръ, приведенныхъ для подтвержденія того или другого грамматическаго правила [3]). Можно указать на цѣлый рядъ писателей, которые, по языку, стоятъ въ зависимости отъ Персія [4]).

Что долженъ чувствовать начинающій филологъ, при видѣ столь противоположныхъ отзывовъ объ одномъ и томъ же предметѣ? Трудность, съ которою ему приходится бороться на первыхъ порахъ при чтеніи сатиръ Персія, склоняетъ его на сторону мнѣнія новой науки,

---

[1]) *Сат. Персія*, стр. 27 и въ другихъ мѣстахъ.

[2]) См. также отзывъ Марціала Saepius in libro memoratur (у Шнейдевина numeratur) Persius uno Quam levis in tota Marsus Amazonide (IV, 29, 7, sq.

[3]) См. Кейля *Gramatici latini*.

[4]) O. Jahn, Proleg., p. L, sqq.

тѣмъ болѣе, что подъ этимъ мнѣніемъ подписаны авторитетныя имена; притомъ же оно находится въ полномъ согласіи съ его собственнымъ настроеніемъ. Но въ тоже время и голосъ древнихъ непрестанно преслѣдуетъ тебя, прося и его выслушать *повнимательнѣе*. Минуя свидѣтельства древняго біографа, минуя даже и то весьма важное обстоятельство, что на сатирахъ Персія воспитались цѣлыя поколѣнія, что онъ является въ нѣкоторой степени образцомъ для подражанія въ языкѣ, поневолѣ останавливаешься на отзывѣ знаменитаго профессора краснорѣчія: „Много и притомъ истинной славы пріобрѣлъ Персій, хотя и одною книгою сатиръ". Прибавимъ, что это отзывъ римлянина, знатока латинскаго языка. Не смотря на это, Квинтиліанъ не дѣлаетъ ни единаго упрека Персію за темноту его рѣчи. Напротивъ, тѣ выраженія, которыя попадаются иногда въ „Наставленіяхъ оратору" [1]), даютъ намъ основаніе думать, что древній критикъ одобрительно относился къ сатирамъ Персія и со стороны ихъ языка. Послѣ этого, въ представленіи начинающаго филолога расшатывается авторитетность столбовъ новой науки, является желаніе скинуть съ себя тяжесть этой авторитетности и попытаться найти настоящія причины пресловутой Персіевой темноты.

Новые ученые предложили не мало объясненій по этому поводу. Мы считаемъ лишнимъ вдаваться тутъ въ подробности. Достаточно будетъ остановиться на русскомъ выразителѣ этихъ мнѣній, г. Благовѣщенскомъ. Опровергая доводы Казобона и Пассова, оправдывавшихъ темноту Персіевой рѣчи, нашъ ученый говоритъ: „Что касается до темноты Персія, то она имѣетъ своимъ источникомъ разныя причины, которыя довольно легко поддаются анализу. Не смотря на свое рабское подражаніе чужому авторитету, онъ вездѣ старается быть или казаться оригинальнымъ. Новые критики не безъ основанія замѣчаютъ, что даже при своихъ заимствованіяхъ изъ Горація Персій постоянно обнаруживаетъ желаніе перещеголять его красотой рѣчи. Изъ того же желанія казаться оригинальнымъ онъ нерѣдко нарушаетъ законы языка,

---

[1]) Иногда онъ приводитъ мѣста сатиръ цѣликомъ (Sat. I, 9 (IX, 3, 9), Sat. I, 27 (IX, 3, 42 и др.; иногда передаетъ ихъ содержаніе, причемъ близко держится оригинала. Такъ, выраженіе Персія (I, 107): „Teneras radere auriculas" у него является въ формѣ: „Delicatas radere aures" (III, 1, 3). Cp. Sat. I, 44. (XII, 10, 26). I, 92 (IX, 4, 65), I, 85 (VIII, 6, 63), III, 81 (X, 3, 15) и др.

эстетики и логики....... Если ко всему этому прибавить странность эпитетовъ и метафоръ, употребляемыхъ Персіемъ, и натянутость сопоставленія разныхъ невяжущихся между собою словъ, то легко понять, сколько нужно проницательности и терпѣнія для того, чтобъ одолѣть всѣ указанныя трудности“ [1]). Сопоставивъ фразу: „онъ нарушаетъ законы языка“ съ отзывомъ Квинтиліана, мы вправѣ задать вопросъ: дѣйствительно-ли Персій нарушаетъ законы языка и что слѣдуетъ считать нарушеніемъ этихъ законовъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ можно не иначе, какъ сравнивъ языкъ сатиръ Персія съ языкомъ современныхъ ему писателей и предшествовавшихъ. Это обстоятельство послужило стимуломъ для нашихъ „Наблюденій“, обратиться къ которымъ еще разъ просимъ благосклоннаго читателя.

Въ первой главѣ мы разсмотрѣли формальную сторону языка Персія, ограничившись существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ. Изъ нашего труда не трудно усмотрѣть, что сатирикъ почерпаетъ свой языкъ изъ трехъ источниковъ. Первымъ и самымъ главнымъ источникомъ является языкъ предшествовавшихъ литературныхъ дѣятелей римскихъ, и это вполнѣ естественно. Вторымъ источникомъ послужилъ Персію простонародный латинскій языкъ [2]). Заимствованія, взятыя отсюда сатирикомъ, не могутъ считаться нарушеніемъ законовъ языка. Служа обогащеніемъ литературнаго языка, заимствованія эти не противны его духу: народный языкъ каждой страны, пустивъ отъ себя вѣтвь литературнаго языка, не перестаетъ давать ему большую или меньшую долю своихъ здоровыхъ соковъ. Тоже самое можно наблюдать и по отношенію къ латинскому языку. Изъ 63 существительныхъ и глаголовъ, составляющихъ въ сатирахъ Персія народный элементъ рѣчи, 47 внесены въ литературный языкъ писателями предшествовавшихъ періодовъ; остальные впервые встрѣчаются у Персія и повторены послѣдующими писателями, за незначительными впрочемъ исключеніями. Третьимъ источникомъ, изъ котораго черпаетъ Персій, является греческій языкъ [3]). И въ этомъ случаѣ нашъ сатирикъ не

[1]) *Сат. Персія*, стр. 27.

[2]) См. стр. 9 слл., 19 слл.

[3]) Стр. 4 слл.

отступаетъ отъ теоріи заимствованія изъ греческаго языка, практикованной до него корифеями римской литературы [1]). Обзоръ нѣкоторыхъ прилагательныхъ показалъ намъ, что въ образованіи этой части рѣчи никоимъ образомъ нельзя видѣть нарушенія законовъ языка [2]). Равнымъ образомъ не допускаетъ Персій этого нарушенія и въ образованіи глагольныхъ формъ, если не принимать во вниманіе формы „vetavit" [3]).

Во второй главѣ, гдѣ мы разсматриваемъ синтаксисъ Персія, нельзя найти ничего такого, что̀ бы указывало на нарушеніе законовъ языка. Нарѣчіе въ роли сказуемаго, эллипсисъ сказуемаго, прилагательное какъ опредѣленіе глагольнаго сказуемаго, всё это—такія явленія, которыя наблюдаются у лучшихъ представителей латинской рѣчи [4]). Нѣсколько, повидимому, необычная замѣна одного времени другимъ находитъ оправданіе для себя частію у комиковъ, частію у классическихъ поэтовъ, а частію даже у Цицерона [5]). Если не принимать во вниманіе нѣкоторой небрежности въ выборѣ наклоненія, происшедшей отъ метрическихъ требованій [6]), да почти исключительнаго употребленія неокончательнаго при *videre* [7]), то остальной затѣмъ синтаксисъ Персія не можетъ быть поставленъ въ упрекъ этому писателю, хотя онъ и носитъ на себѣ замѣтные слѣды *серебряной* латыни [8]).

Итакъ, мнѣніе, что Персій „нерѣдко нарушаетъ законы языка", невѣрно и могло сложиться только подъ вліяніемъ узкихъ рамокъ такъ называемой общепринятой грамматики. Нельзя вѣдь считать нарушеніемъ законовъ языка то или другое грамматическое явленіе у писателя, если только оно не укладывается въ рамки *классической* латыни. Найдется-ли у насъ хоть одинъ человѣкъ, который бы рѣшился сдѣлать упрекъ Некрасову за то, что у него зачастую встрѣчаются выраженія, какихъ не найдешь у Пушкина? Рамки названной грамматики не разъ заставляли ученыхъ, вопреки рукописямъ, устанавливать *свое*

---

1) Стр. 8.
2) Стр. 15—18.
3) Стр. 22.
4) Стр. 23—28.
5) Стр. 28—30.
6) Стр. 30.
7) Стр. 32,
8) Стр. 23, 39 и др.

чтеніе [1]), не разъ вселяли колебаніе въ изслѣдователей текста Персіевыхъ произведеній [2]). Скажемъ, что тѣ же самыя рамки составляютъ одну изъ настоящихъ причинъ Персіевой темноты.

Изъ третьей главы, въ которой мы представили обзоръ метафоръ, встрѣчающихся въ сатирахъ Персія, видно, что этотъ писатель вѣренъ духу римлянина, вообще любившаго конкретность выраженій. Такъ для выраженія гнѣва онъ употребляетъ *желчь*, для стыда—*лобъ*, для голода *желудокъ* и пр. Желаніе выразить конкретно стоическія идеи влечетъ Персія въ разныя сферы человѣческой жизни и дѣятельности, отпечатокъ которыхъ отразился и на его языкѣ. Тутъ кроется вторая и самая главная причина того, почему такъ трудны сатиры Персія для новаго читателя. Деревенская жизнь, жизнь форума и ремесленная, рыбная ловля, кормленіе птицъ, медицина, царство растеній и ихъ свойства, гимнастика, скульптура и пр.—вотъ сферы мелкой будничной жизни, съ которыми читателю слѣдуетъ предварительно ознакомиться вполнѣ. Тогда языкъ сатиръ Персія или—что въ большинствѣ случаевъ одно и тоже—языкъ названныхъ сферъ будетъ болѣе податливъ для пониманія; тогда слова: *regula*,[3]) *trutina*. [4]) *lutum*, [5]) равно какъ и многія пословицы и поговорки [6]) не будутъ представлять затрудненія при чтеніи сатиръ Персія. Наконецъ въ вопросѣ о причинахъ темноты Персія не слѣдуетъ упускать изъ виду простонародный элементъ рѣчи, котораго найдешь не мало въ его сатирахъ [7]). И это обстоятельство долженъ побороть новый читатель.

---

[1]) Стр. 29, Sat. II, 5; 60.

[2]) См. Sat. V, 45, VI, 76, III, 73 и др.

[3]) Sat. I, 65 sq. IV, 12. V, 37.

[4]) Sat. I, 5 sq. IV, 10.

[5]) Sat. III, 21. V, 24. Ср. также III, 60 sq. V, 40. 63 sqq.

[6]) »Canina litera dé limine sonare« (1,109.) »Rara avis« (1,46). См. также I, 4, 106, 119. III, 65, 96, IV, 4, 11, 26, 42, 52, V. 10 4, VI, 56, 57.

[7]) См. ниже стр. 9 слл. 19 слл. 49.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ еще разъ сказать, что *Персій не нарушаетъ законовъ языка* и что *темнота его рѣчи считаетъ своими виновниками не его, а новаго читателя*: люди, хорошо владѣвшіе оружіемъ, необходимыхъ при чтеніи сатиръ, не упрекали Персія за его темноту [1]).

---

[1]) См. стр. 47.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

3. Падежи. A) Именит. a) имен. вм. зват. b) имен. вм. винит. c) зват. вм. имен. B) Винительный, a) вин. при непереходн. глаг. b) вин. прилаг. ср. р. вм. нарѣчія. C) Родительный, a) при прилаг.: *sterilis*, *modicus*, *inanis*. b) родит. вм. творит. отношенія. D) Творительный. a) творит. (мѣста) безъ предлога при глаголахъ: *iacere*, *condere*, *pendere*, *ponere* (стр. 37—40).

Глава III. Метафора.

1. Метафора глагола.

2. Метафора имени существительнаго.

3. Метафоры, взятыя изъ разныхъ сферъ человѣческой жизни и дѣятельности (стр. 40—46).

Глава IV. Общія замѣчанія по поводу языка Персія.

